

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 5

**Всероссийский литературный
фестиваль-конкурс
«Хрустальный родник»
2013-2015**

БУКОО "Орловский Дом литераторов"

Орёл-2015

УДК 82-1
ББК 84(2p)6
В 38

Вестник Орловского Дома литераторов. Выпуск 5.
В 38 Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Хрустальный родник» 2013-2015 /Редактор А.В. Фролов, составитель Е.А. Машукова / – Орёл, ООО ПФ «Картуш», 2015. – 96 с.

Пятый выпуск «Вестника» объединил лучшие произведения лауреатов Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» 2013-2015 годов. Книга адресована прежде всего молодым начинающим авторам, планирующим своё участие в будущих литературных конкурсах.

© Орловский Дом литераторов, 2015
© ПФ «Картуш», 2015

ЭСТАФЕТА ПИСАТЕЛЬСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

Всероссийский открытый литературный фестиваль-конкурс «Хрустальный родник» проводится Департаментом образования, культуры и спорта Орловской области совместно с Союзом писателей России и направлен прежде всего на поддержку молодых начинающих писателей. Стало уже традицией подводить итоги этого конкурса в апреле: этот праздник проходит в городе Орле ежегодно, начиная с 2011 года. Формат фестиваля позволяет молодым авторам Орловской области, студентам орловских вузов и просто любителям словесности встретиться с ведущими писателями Москвы, Омска, Кемерово, Воронежа, Брянска в библиотеках и аудиториях учебных заведений, принять участие в работе литературных мастер-классов. На фестивале также презентуются литературные журналы, издаваемые в разных регионах России.

«Хрустальный родник» – своеобразная эстафета писательских поколений, которые объединяет великая и благородная миссия – нести народу настоящее, чистое, ничем не замутнённое русское слово.

Творчество начинающих литераторов в рамках конкурсной программы фестиваля оценивает компетентное жюри, в состав которого уже традиционно входят: секретари правления Союза писателей России – лауреат Государственной премии России, профессор А. А. Парпара (Москва), В.В. Дворцов, В.Е. Сорочкин, В.Е. Ерофеева-Тверская; главные редакторы ведущих российских и международных литературных журналов В.И. Муссалитин («Форум»), А.И. Казинцев («Наш современник»), В.В. Артёмов («Москва»), В.Д. Лютый («Подъём»); член Высшего творческого совета Союза писателей России С.Л. Донбай, председатель Товарищества детских и юношеских писателей России И.В. Репьёва и другие профессиональные писатели. Жюри оценивает творчество непрофессиональных литераторов по номинациям «Проза», «Поэзия» и «Литературное творчество для детей» в два этапа: по результатам первого этапа составляется шорт-лист, лучшие

работы после рассмотрения на втором этапе рекомендуются для определения победителей.

Информационную поддержку фестиваля-конкурса обеспечивают московские издания – журналы «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Новая книга России», «Форум», газета «Российский писатель», а также журналы «Родная Ладога» (СПб), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Подъём» (Воронеж), ГТРК «Орёл», орловская телекомпания «Первый городской плюс», СМИ Белгородской, Брянской и Курской областей.

Можно смело утверждать, что популярность фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» год от года стремительно растёт: в 2011 году в конкурсной программе приняли участие немногим более 30 начинающих литераторов, в 2012 году число конкурсантов выросло до 100, а в 2015 году в оргкомитет фестиваля в рамках конкурсной программы поступило 140 авторских материалов из 24-х регионов России, а также из Украины, Беларуси, Казахстана, США и Великобритании. Следует отметить, что орловцы регулярно становятся лауреатами конкурсной программы фестиваля в различных номинациях.

Всё вышесказанное позволяет утверждать, что Всероссийский открытый литературный фестиваль-конкурс «Хрустальный родник» получил широкое общественное признание на территории области и по России в целом, что немало способствует укреплению имиджа Орла как «третьей литературной столицы России».

«ТАЛАНТАМ НАДО ПОМОГАТЬ...»

Об истории конкурса, о трудностях выбора и о новых именах на литературном небосклоне мы беседуем с идейным вдохновителем фестиваля «Хрустальный родник», заместителем председателя оргкомитета и жюри конкурса, ответственным секретарем Орловской областной писательской организации Геннадием Поповым.

– Геннадий Андреевич, как родился конкурс «Хрустальный родник»?

– Три года назад, когда разрабатывалась региональная программа развития культуры на 2011–2015 годы, у меня появилась идея помимо повседневной работы писательской организации – издания книг, встреч с читателями – организовать масштабное мероприятие, достойное третьей литературной столицы России.

Мы предложили организовать Всероссийский фестиваль-конкурс, где основной задачей стал бы поиск новых имен в литературе, новых талантов. Но очень важен здесь и другой аспект. Формат фестиваля позволяет встретиться молодым авторам, студентам вузов и просто любителям словесности с ведущими писателями страны. Вживую увидеть, обсудить проблемы, показать свои рукописи настоящим мэтрам литературы. Тем, чьи имена они только слышали или видели по публикациям в толстых журналах. Это же здорово, когда люди будут вспоминать – мы встречались в Орле. И первый же фестиваль-конкурс «Хрустальный родник», который состоялся в 2011 году, показал, что мы на правильном пути. И «родник» набирает силу. Если на первый наш конкурс поступило всего 30 работ, то на «Хрустальный родник-2013» 104 автора прислали 115 рукописей. Намного расширилась и география участников – от Мурманска до Краснодарского края, от Архангельской области до Башкортостана. Прислали свои работы молодые литераторы из республики Беларусь и из Германии.

– А судьи кто?

– В этом году состав жюри конкурса был традиционно весьма представительный: секретарь правления Союза

писателей России, лауреат государственной премии России Анатолий Парпара (Москва); член высшего творческого совета Союза писателей России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай; секретарь правления Союза писателей России, главный редактор международного журнала «Форум» Владимир Муссалитин; председатель товарищества детских и юношеских писателей России Ирина Репьева и другие известные литераторы и общественные деятели.

На членов жюри в нашем конкурсе ложится очень большой объем работы – прочитать большое количество рукописей и определить лучших в трех номинациях: в поэзии, прозе и литературе для детей.

Кроме этого традицией «Хрустального родника» стали мастер-классы, которые наши гости провели для начинающих авторов. Прибавьте сюда встречи с юными читателями в детских библиотеках, со студентами орловских вузов. Но наши мэтры не жаловались – говорили, что это приятная усталость.

– Какие новые имена открыл нынешний конкурс?

– Это, прежде всего, победители конкурса: в номинации «Поэзия» – Игорь Малышев (г. Орел); в номинации «Проза» – Лев Шадрин (г. Курск); в номинации «Литературное творчество для детей» – Анастасия Рогах (Орлова) (г. Ярославль).

И, конечно, главным открытием «Хрустального родника-2013» стал молодой литератор из Беларуси – Андрей Матвеенко. Он с первого тура очаровал жюри своей прозой. Тема «Человек и вера» в его произведении «Владыка» раскрывается с особой деликатностью и надлежащим тактом. Также Андрей представил на суд мастеров совершенно замечательные детские рассказы. И ничего не оставалось, как признать победу Матвеенко сразу в двух номинациях и отдать ему главный приз конкурса – Гран-при.

Хочется отметить еще одну существенную особенность фестиваля «Хрустальный родник». В жюри работает большое количество секретарей правления Союза писателей России, которые наделены правом давать рекомендации особо отличившимся участникам конкурса для вступления в члены этого творческого Союза.

На этом конкурсе такие рекомендации получили орловчанка Елена Ковалева, Григорий Глушнев из Омска, Ольга Гарнат (Максимова) из Мурманска. А участникам прошлогоднего конкурса орловским литераторам Андрею Шендакову и Антонине Сытниковой мы вручили членские билеты Союза писателей России.

– **Какие еще мероприятия входили в программу «Хрустального родника»?**

– В рамках проведения нашего конкурса состоялись презентации новых номеров альманаха «Орел литературный» и международного журнала «Форум».

Альманах «Орел литературный» издается с 2004 года. Это своеобразная визитная карточка орловской писательской организации. Здесь широко представлен весь круг орловских авторов, рассказывается о последних новостях и готовящихся проектах, есть гостевая рубрика. Что касается журнала «Форум», то это совместный проект орловских авторов и москвичей под руководством нашего большого друга, уроженца Орловщины, Почетного жителя Новосила Владимира Ивановича Муссалитина. Номер, посвященный 75-летию Орловской области, стал антологией орловской литературы за эти годы. В журнале собраны лучшие произведения уже ушедших и ныне здравствующих поэтов и писателей, составляющих золотой фонд писательской организации Орловщины. Журнал прекрасно иллюстрирован романтическими видами улочек и площадей Орла. Он станет прекрасным подарком для орловцев и выгодно представит третью литературную столицу России за пределами региона.

– **Какие изменения вы хотели бы внести в работу IV фестиваля-конкурса «Хрустальный родник»?**

– Хотелось бы поднять статус нашего конкурса. Думаю, на следующий год положение о его проведении, состав жюри и другие документы будут утверждены на уровне губернатора и правительства Орловской области.

Решением жюри мы собираемся ограничить возраст участников «Хрустального родника». Все же это соревнование молодых литераторов, и, согласно положению ЮНЕСКО, возраст молодежи – не старше 45 лет.

Хотим, чтобы по итогам конкурса выходил сборник, где обязательно печатались лучшие рукописи.

И, конечно, огромная просьба к журналистам – больше внимания к «Хрустальному роднику» и его молодым авторам. Талантам надо помогать.

Беседовал Александр Савченко, 2013

[http://regionorel.ru/news/culture/talents_we_need_to_help_the_/](http://regionorel.ru/news/culture/talents_we_need_to_help_the/)

Лауреаты III Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2013)

В 2013 году в оргкомитет фестиваля в рамках конкурсной программы поступило 115 конкурсных работ (рукописи) 104 литераторов из 26 регионов России, а также Белоруси и Германии.

ГРАН-ПРИ

Андрей Матвеев (Гомель)

Номинация «ПОЭЗИЯ»:

Игорь Малышев (Орёл) – диплом I степени,

Виталий Плотников (Котлас, Архангельская область) – диплом II степени,

Григорий Глушнёв (Омск) – диплом III степени;

Номинация «ПРОЗА»:

Лев Шадрин (Курск) – диплом I степени,

Ирина Тимошина (Краснодарский край) – диплом II степени,

Оксана Нестерова (Белгород) – диплом III степени;

Номинация «ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЛЯ ДЕТЕЙ»:

Анастасия Рogaх (Ярославль) – диплом I степени,

Гузалия Ариткулова (Стерлитамак, Башкортостан) – диплом II степени,

Ольга Гарнат (Мурманск) – диплом III степени.

ВЛАДЫКА

Рассказ

История эта случилась на Камчатке в городе Петропавловске.

Тогда мне было девятнадцать лет, умер мой отец и я остался один. Похороны, поминки – все прошло как в тумане. Я плохо что-либо соображал. Спасибо друзьям, они помогли все организовать.

Оставшись один, я в полной мере ощутил пустоту в душе и ноющую рану на сердце. Присев на краешек кровати, бережно обнял руками подушку, еще хранившую запах родного мне человека. Так, как обнял бы отца, и громко зарыдал. В тот момент я совершенно перестал что-либо соображать, а просто тупо, отрешенно сидел и плакал навзрыд, безнадежно горько оплакивая ушедшую в прошлое бесшабашную, веселую, легкомысленную жизнь. Безвозвратно ушедшую юность...

«Отец ушел, – пульсировала в мозгу одна и та же фраза...

Как-то зимой я ехал по городу на автобусе. Сильный мороз добрался и до салона. В воздухе извивались змейки пара от дыхания раскрасневшихся людей. Сквозь замысловатое сплетение узоров на окнах ничего невозможно было рассмотреть. Неожиданно автобус остановился, и водитель объявил, что дальше не поедет, – что-то случилось с мотором. Пассажиры нехотя стали покидать салон, некоторые люди пошли до следующей остановки, остальные стали «ловить» маршрутки, а я остался стоять на месте, очарованный увиденным.

Прямо передо мной возвышался храм, но не само здание привлекло мое внимание, а сверкающие купола. Из хмурых туч пробивался тонкий, слабый луч солнца; он попадал прямо на них и они озарялись ласкающим взор светом. Конечно, все это происходило и при ярком летнем солнышке, но почему-то прежде мне никогда не удавалось видеть такой поразительной красоты или раньше я не замечал чарующего великолепия или просто не обращал внимания.

Сейчас же, стоя перед храмом и любясь сиянием куполов, я вдруг представил, как бы увидел, сверху себя – одинокого, несчастного, голодного, никому ненужного человечка в старом сером пальто не по размеру и стоптанных ботинках, продрогшего в холодный зимний день. Позолоченная поверхность, подсвеченная солнечным светом, блестела и переливалась так радостно, что на душе сразу потеплело и на глаза навернулись слезы. Сияние среди хмурого, серого дня как бы приглашало войти в храм, помолиться, – и я зашел.

До этого мне никогда не приходилось бывать в церкви, и я с удивлением замер у порога. Мерцание свечей, множество икон, красивое убранство, необычная тишина... Доселе я нигде не чувствовал такой благодатной атмосферы. Все волнения и переживания – мирская суета и бесконечные проблемы остались за порогом. Дивный запах, тихий шепот, неслышные шаги прихожан и царящая здесь какая-то особая благодать и умиротворенность просочились в меня ненавязчиво и мягко успокоили вконец расшатанные последними событиями нервы. Людей в соборе было мало. Одни ставили к иконам свечи, другие, замерев перед большим крестом, стояли, склонив головы и прикрыв глаза, бесшумно шевеля губами. Я прислонился к дверному косяку в полутёмной нише, не решаясь пройти дальше.

Заметив мою растерянность, подошла одна из прихожанок.

– Вы пришли помолиться? – спросила пожилая женщина.

– Да, – неуверенно ответил я и, опустив голову, тихо добавил: – Но я не знаю ни одной молитвы.

– Это не беда. – Прихожанка подвела меня к красивой большой иконе. Изображённый на ней седой благообразный старец добродушно, успокаивающе смотрел на меня широко раскрытыми, как у младенца, синими глазами.

– Это Николай Чудотворец, – пояснила женщина. – Поговори с ним.

– То есть, как поговорить? – недоуменно спросил я.

– Просто расскажи ему о том, что у тебя наболело на душе и почему ты пришел сюда, – терпеливо объяснила прихожанка.

– Да так, красиво у вас тут. Раньше никогда не был – вот зашел посмотреть.

– Понравилось? – спросила она, с любопытством разглядывая меня.

– Понравилось.

– Вот и заходи к нам почаще, – обрадовалась женщина. – А хочешь – оставайся: скоро начнётся служба, послушаешь. – Я не стал дожидаться вечернего богослужения, а ушел, пообещав, что обязательно приду в следующий раз.

– Приходи, когда захочешь, – ответила она тихо. – Господь терпелив. Он будет тебя ждать.

«Будет ждать меня, – думал я над словами женщины из храма. – Странно звучит! В школе меня учили, что Бога нет, все это выдумки, а, оказывается, он есть и ждет меня. Зачем я ему? Ведь я даже не знаю ни одной молитвы».

Два дня я размышлял. И, в конце концов, решил больше не приходить в церковь. Мне почему-то сделалось страшно, боязно и неприятно от того, что Бог знает всё о моей непутевой, греховной жизни, видел все мои проказы и должно быть чувствует моё негативное отношение ко всему церковному...

Через несколько дней, в магазине я встретил знакомую женщину из храма. Она сама подошла ко мне.

– Ну что же ты не приходишь?! – укоризненно сказала она.

– А я о тебе и Владыке говорила.

– Владыке? – удивленно переспросил я

– Ну да, Владыка Игнатий – наш епископ.

– И что же Вы обо мне сказали? – слегка потупившись, поинтересовался я.

– Да так, говорю, заходил в храм один молодой человек, молиться не умеет, крестится неправильно, хотя и крещеный.

– Откуда Вы знаете? – вырвалось у меня.

– Да не знаю я, просто предположила. – Женщина испуганно замахала руками. – Бог с тобой, успокойся!

– Да, я крещёный! – уверенно произнес я. – Бабушка рассказывала. Когда был совсем маленьким она хотела меня окрестить, но отец строго-настрого запретил. Тогда они с соседкой дождались, когда он ушел в город, и скоренько отнесли меня в ближайшую церковь, и батюшка совершил обряд крещения. Я даже помню шнурочек к крестику – желтый такой,

а потом отец увидел и снял его с меня. Вот с тех пор я и хожу без крестика.

Женщина смотрела на меня широко открытыми глазами.

– Знаешь что, ты все-таки приходи к нам в храм. Я ведь вижу: тяжело тебе.

«Что она прицепилась ко мне? Зачем пристает со своим храмом, – зло думал я. – Тут жрать нечего. Денег нет совсем, на работу не могу устроиться, а тут еще эта пристала».

– Хорошо. До свидания, – буркнул я и выскочил из магазина.

По дороге домой размышлял: «Наверное, эта женщина из нашего района, иначе, что ей делать в этом магазине. А может у нее тут родственники, и она к ним приехала, ведь раньше я никогда ее здесь не видел, а память на лица у меня хорошая».

Поднявшись на пятый этаж, я очутился в своей неухоженной, полупустой квартире. Пристроившись возле окна, погруженный в тяжкие размышления, закурил сигарету, потом другую, третью... Сквозь сизоватые клубы дыма мой рассеянный взгляд равнодушно скользил по стенам строящегося напротив дома.

Вот теперь отца нет, и я еле свожу концы с концами. А когда он был жив, мне хотелось свободы, чтобы старик не лез со своими советами и бережливостью, которую все люди его поколения вынесли со времен голодного военного детства. Мне же эта черта характера совершенно была не присуща. Экономить – это просто смешно! Деньги, которые я получал случайными заработками, тут же растрачивал и даже не успевал заплатить за коммунальные услуги. Сначала отключили телефон, потом свет, а теперь грозились перекрыть батареи, если в ближайшее время не заплачу за отопление...

Вечерело. Люди ужинали, а у меня во рту за целый день не было ни крошки хлеба. Да и завтра – не знаю, что будет? И вот я сидел в темной полупустой кухне и с тоской глядел на круглолицую луну, бледно-желтым пятном с укором смотрящую на меня...

В ту ночь я так и не смог уснуть, а утром, наскоро умывшись и глотнув стакан воды, с тяжелой от бессонницы головой решил всё же поехать в церковь.

Добирался пешком, так как денег на проезд уже не было, а идти не близкий свет – ни много, ни мало, а одиннадцать остановок. Денёк выдался погожий. Легкий морозец приятно пощипывал нос и щекотал кончики ушей. Яркое солнце слепило, отражаясь бликами от стёкол домов и проезжающих машин.

«Зачем я иду? Зачем?.. – непрерывным вихрем вертелось у меня в голове. – Пожрать. А дальше что? Что я там забыл?» Скажу честно, в храм я шёл только поесть. Единственная мысль билась в моей голове – о еде. Голод гнал меня.

К полудню я подошёл к храму Петра и Павла. Внутри было много народа – все стояли, будто в ожидании чего-то или кого-то. Среди прихожан я увидел и знакомую мне женщину. Она не подошла, а, заметив меня, знаками показала, чтобы я не уходил, а подождал.

Я пристроился в уголке и в растерянности принялся оглядываться вокруг. В храме стояла такая тишина, что было слышно, как на улице проезжают машины.

Вдруг рядом со мной раздался тихий шепот, который с мгновенной скоростью, словно ток по электропроводам, распространился среди прихожан:

– Владыка, владыка...

Со второго этажа неторопливо спускался высокий, худощавый человек в черном одеянии. Он на минутку задержался на площадке и медленно обвел собравшихся людей лучистым взглядом добрых сероватых глаз. Затем не спеша спустился вниз к прихожанам.

Я скромно стоял в сторонке и не решился подойти к батюшке как все за благословением. Хотя этот человек и заинтересовал меня – нигилиста и любителя покутить. Он благословлял людей, внимательно выслушивая, проникаясь их болью и страданиями, давая советы.

Внезапно мне стало ужасно стыдно, что я не знаю простых правил поведения в церкви – и поспешил к выходу. Уже находясь у дверей храма, не выдержал – оглянулся. Владыка стоял и смотрел прямо на меня. Его помрачневший взгляд словно пронзил меня насквозь, уколов тысячами иголок.

Неожиданно я почувствовал облегчение. Мне стало так спокойно и хорошо на душе, что я на миг позабыл все свои горести и как бы ощутил себя счастливым, беззаботным маленьким мальчиком, у которого еще все впереди и ему так хочется побыстрее вырасти.

Я замешкался у дверей – может вернуться, но все-таки вышел и побрёл к остановке. В те минуты я и сам не знал: зачем иду туда. Уехать все равно не удастся – нет денег, и, дойдя до остановки, устало опустился на скамейку.

Во всем теле чувствовалась слабость, немного кружилась голова и подташнивало. Очень хотелось есть. До этого момента в последний раз я кушал дня четыре назад, и голод естественно давал о себе знать, тупой болью проникая в каждую клеточку ослабевшего организма, медленно, но неотвратимо забирая, высасывая остатки последних сил. И в тот момент, терзаемый чувством голода, я подумал, что надо бы вернуться назад в собор.

Но кроме этого, что-то еще на подсознательном уровне – неведомое, таинственное – тянуло меня в лоно церкви: перед глазами стоял образ Владыки. Я понял, что он знает обо мне и ждет...

Что оставалось делать? Возвращаться назад домой не хотелось, да и не прошел бы я пешком такое большое расстояние.

Я вернулся в храм и столкнулся на пороге с отцом Игнатием.

– Ну здравствуй, наконец, беглец. Что же ты ушел? Мне про тебя рассказали. Вот я и захотел с тобой встретиться, а ты все убегаешь. Пойдем, сотрапезничаем, а потом и поговорим.

В светлой, теплой трапезной было уютно, и витал, дразня и наполняя рот слюной, соблазнительный аромат еды. Я вымыл руки и уселся к столу на длинную деревянную скамью. Владыка сел рядом со мной. Послушница принесла мне густой, хорошо разваренный гороховый суп и перловку с большим куском жареной рыбы с аппетитной румяной корочкой. Но, несмотря на то, что есть хотелось до безумия, я не смел притронуться к пище.

– Почему ты не ешь? – удивился отец Игнатий.

– А почему Вы не кушаете? – поинтересовался я.

– Так вот в чем дело, – рассмеялся священник. – Ты, я смотрю, без компании никак не хочешь обедать, – и тут же негромко попросил:

– Ну, пожалуй, налейте и мне. Рассольник есть?

Владыке принесли суп, и я уже хотел приступить к еде, как он мягко остановил меня.

– Ты знаешь, перед вкушением пищи православные люди творят молитву. Давай и мы с тобой скажем Господу спасибо за хлеб и соль. – Я не совсем соображал, о чем он говорит, но отложил ложку в сторону и с детским любопытством посмотрел на священника.

Владыка перекрестился и прочел короткую молитву. Слов я не запомнил, но как правильно креститься – понял.

После трапезы отец Игнатий повел меня к себе в кабинет. В храме началась служба, и все были заняты там. Лишь за прилавком иконной лавки сидела пожилая женщина с книжкой в руках.

Кабинетом называлось отдельное помещение с двумя входами и одним выходом. Два шкафа, набитые книгами, да большой стол с аккуратно разложенными папками по бокам – вот и весь небогатый, строгий интерьер рабочей комнаты Владыки.

Отец Игнатий уселся за свой стол и, предложив мне присесть, начал разговор по душам:

– Ну что, парень, как дальше жить думаешь?

– Не знаю, – проблеял я

– Плохо, что не знаешь. А кто знает?

Я хотел было опять сказать – не знаю, но вовремя спохватился и ответил:

– Хотел бы устроиться на работу.

– Зачем? Вот ты не работал до настоящего времени, а как-то ведь жил?

Я стал злиться. Опять нравоучения. Отец постоянно донимал, и этот туда же. Все взрослые одинаковы – только бы советы давать. Думает: накормил, так сейчас можно и отчитывать.

Владыка, видимо разгадав мои мысли, замолчал. Затянувшаяся пауза действовала угнетающе. Неожиданно среди

звнящей тишины раздался голос, полный участия и великодушия:

– Слушай, а давай-ка к нам. Хочешь?

Я был в буквальном смысле слова ошарашен, потрясен до глубины души. Во рту пересохло и язык словно прилип к нёбу. Я так растерялся неожиданным поворотом событий, что даже не знал, что и ответить.

Владыка, видя, что я медлю с ответом, предложил:

– Знаешь, любезный мой, ты подумай хорошенько! Я не тороплю тебя. Когда решишь окончательно – приходи в любое время. Всегда будем рады. – Я согласно кивнул в ответ.

Когда мы спустились вниз, отец Игнатий, проводив меня до дверей храма, вдруг попросил подождать. Когда он вернулся, то протянул мне пятьдесят рублей.

– Вот возьми, Андрей! Они сейчас тебе очень нужны. И помни: тебя здесь всегда ждут.

Я крепко зажал деньги в руке, словно драгоценность, и, даже толком не попрощавшись со священником – вдруг передумает, вышел из храма.

Домой я ехал с каким-то новым, доселе незнакомым чувством облегчения, словно кто-то неведомый снял с моей груди тяжёлую гирю, сдавливающую дыхание днём и ночью.

Впервые за много дней после смерти близкого человека во мне вдруг пробудилось страстное желание человеческого общения, даже простого внимания к кому-нибудь, участия в чём-либо. Через столько времени я почувствовал себя настоящим счастливым человеком, проникся любовью к людям, поверил в себя, свои силы и возможности.

Будущее уже не казалось мне таким мрачным. Я знал теперь, что не один в этом мире, и всегда найдутся люди, готовые мне помочь в трудные минуты...

ФЁДОР ФИЛИППОВИЧ

Рассказ для детей

Большой морозильный рыболовецкий траулер «Осторожный» ловил норвежскую сельдь в Северном море. Его

команда занималась также переработкой и заморозкой рыбы, которую потом сдавали на грузовые суда и отвозили в городские порты.

Обычно промышленляли селедку тоннами, но неожиданно в работе случился простой. Даже с помощью специальных приборов никак не удавалось отыскать в морской глубине косяки рыбы. И «Осторожный» вынужден были всё время менять курс.

Так изнывали моряки от безделья уже третий день. Настроение команды было неважное. Море штормило, небо хмурилось, накрапывал холодный дождь. Ветер обрушивал на судно громады волн, а пену и брызги, словно забавляясь, перекидывал через борт и зашвыривал далеко в море. Все собрались в кают-компани. Слушали боцмана – старого морского волка. Его истории были увлекательные, но на этот раз слушали особенно внимательно. Уж очень необычным и интересным оказался рассказ.

«Ходил я тогда на сухогрузе. Возили в основном продукты питания и оборудование участникам полярных экспедиций. Однажды мы шли к Южному полюсу, в Антарктиду, и недалеко от Канарских островов увидели стоявшее на якоре английское торговое судно. У него сломался двигатель, а нужной запчасти не нашлось. Наши механики помогли англичанам с ремонтом, а те в благодарность подарили нам... пингвина.

Команда торгового судна настолько привязалась к нему, что очень жаль было расставаться. Но они шли домой, в Англию, и там пришлось бы отдавать его в зоопарк, а морякам этого не хотелось.

Мы, конечно же, не могли отказаться от такого замечательного подарка и взяли пингвина себе. Назвали Фёдором и даже отчество дали – Филиппович. Уж очень он походил на нашего старпома – старшего помощника капитана Филиппа Филипповича. Такой же важный, серьёзный, но только одет по-другому: в чёрном «фраке», белой «рубашке» и «ботинках» с красновато-фиолетовым отливом.

Царственным видом и окраской он вполне оправдывал своё название «императорский пингвин». Среди своих сородичей эти пингины самые высокие – больше метра и весят в среднем

тридцать три килограмма. Наш пингвин оказался молодым самцом среднего размера.

Команда была в восторге. Все моряки, свободные от вахты, толпились на палубе, где с чувством собственного достоинства, вразалочку, как по бульвару, прохаживался пингвин: не спеша, поочередно переставляя лапы, поворачиваясь всем туловищем то влево, то вправо – как полный, солидный человек. А то опустит голову на грудь и клювом щёлкает, вроде собирается о чём-то сказать.

Часами наблюдали за ним моряки, хватаясь от смеха за животы. Каждый старался понравиться пингвину и чем-нибудь угодить: таскали ему рыбу и разные вкусности, кормили прямо из рук, и он с готовностью принимал угощение. Наевшись, становился похож спереди на большой снежный ком. Вообще, еда пингинов – рыбки, моллюски, кальмары, морские рачки...

Вечерами команда отпирывалась на отдых, и Фёдор Филиппович тоже покидал палубу, шлёпая в каютный отсек. Там, повернувшись головой к стене, он замирал, опустив клюв и прикрыв глаза. Дремал.

Но стоило кому-нибудь выйти в коридор, как он тут же вскидывал голову, радостно хлопал крыльями по бокам и неуклюже торопился навстречу. Подойдя поближе и узнав члена экипажа (зрение-то у пингинов неважное), приветствовал его с поклоном. Выпрямившись, вставал рядом, выговаривая что-то своё, пингвинье, похожее на грубое воркование, и потом сопровождал матроса до верхней палубы.

А когда ночью дежурил вахтенный, то он ни на шаг от него не отходил, радуясь компании: пингины очень общительные существа и не могут жить поодиночке. Вот и наш Фёдор Филиппович все время искал себе товарищей. Часто приходилось видеть такую занимательную картину: по палубе не спеша идёт матрос, заложив руки за спину, а рядом с ним, стараясь не отставать, семенит Фёдор Филиппович...

Стояли тёплые солнечные дни. Воды Атлантического океана лениво набегали друг на друга, подгоняя нас к Антарктиде. Иногда налетал резкий порывистый ветер, начинало штормить и судно сильно раскачивалось. Пингвин пугался, падал на брюхо и, отталкиваясь лапами, быстро-быстро скользил по палубе в

какое-нибудь укромное местечко, чтобы спрятаться от опасности.

Время от времени, вставая по техническим причинам на якорь, мы устраивали нашему питомцу «водные процедуры». Для пингвинов даже два градуса тепла – уже жара. Поэтому, едва услышав слово «купаться», наш пингвин, чуть не падая, спешил к шлюпке, забирался туда и терпеливо ждал, пока его спустят на воду. Но прежде чем прыгнуть со шлюпки в воду, обязательно осматривался – нет ли в море опасности, и только после этого нырял вниз головой и носился в воде, как торпеда, прекрасно управляя своим телом с помощью крыльев-ласт.

Эти птицы полжизни проводят в морской стихии и отлично приспособлены для плаванья под водой. В воде они проворнее хищников, но попробуй разгляди опасность среди обломков льда. Поэтому к берегу пингвины всегда приближаются группой, внимательно оглядываясь вокруг: они очень боятся своих злейших врагов – морских леопардов, постоянно рыщущих около их колоний. Ведь если морской леопард подловит зазевавшегося пингвина и вцепится в него зубами, то спасенья не жди...

Это всё я вычитал тогда из книг. Дело в том, что с появлением на нашем судне Фёдора Филипповича я прочел все книги о пингвинах, какие только нашлись в нашей небольшой библиотечке. Из этих книг я узнал много интересного, но особенно удивило меня, что для выведения потомства пингвины выбирают самое суровое время года – середину полярной зимы. Обычно живут они на льдинах вокруг Антарктиды, но когда начинается пора свадеб, перебираются на материк и собираются в большие колонии. Целый месяц всё идут и идут в общее место сбора эти загадочные и забавные птицы. Каждый пингвин, подойдя к собратьям, обменивается с ними поклонами: это у них знакомство. Потом все вместе будут терпеливо и сонно стоять в толпе, втянув голову в плечи.

Когда полярная зима вступает в свои права, колония оживает, поднимается шум и гам. Кавалеры, важно расхаживая, ревут во весь голос – ищут подругу. Создаются супружеские пары. Молодожёны поначалу часами замирают рядышком, закрыв глаза: привыкают друг к другу. Иногда, встрепенувшись,

вытягивают шеи, обмениваются нежными трелями и ласково касаются друг друга головами.

Проходит время, и вот уже со всех сторон несутся громкие радостные крики супругов: во мраке полярной ночи снесено долгожданное яйцо. Всего одно. Счастливые родители поют и радостно топчутся на месте. Заботу о яйце берет на себя папа. Он вкатывает яйцо на лапы и прячет под свисающую тёплую складку на брюшке, словно под пуховое одеяло. А уставшие пингвинихи уходят отдохнуть и подкормиться рыбкою в море...

Вот так читал я между вахтами о пингвинах, команда радовалась нашему необычному попутчику, а судно наше всё ближе продвигалось в сторону Антарктиды. Пингвин жил у нас уже три недели; команда сильно привязалась к нему. Но вскоре мы заметили, что Фёдор Филиппович перестал спускаться вниз. Всё дольше оставался на носу судна, одиноко и неподвижно глядя куда-то вдаль. Был он задумчив, почти перестал «говорить». Видно, чувствовал приближение родной земли...

Как-то за суматохой дел я спохватился, что давно не видел нашего пингвина. Стал расспрашивать членов команды. Кок сказал, что несколько дней бедный Фёдор Филиппович очень плохо ел, а сегодня вообще от всего отказался. Мы всерьёз забеспокоились, но, как выяснилось, напрасно. Пингвин просто полинял и теперь предстал перед нами в новом блестящем одеянии. Он словно специально решил прибыть на свою родину при полном параде. Старое оперение валялось рядом на палубе, словно куча лохмотьев. Выглядело это очень забавно. Линяют пингины раз в год: новые перья вырастают под старыми, как бы выгалькивая их.

Чем ближе подходили мы к Антарктиде, тем неустойчивее становилась погода. То вдруг сильно холодало, небо затягивалось мутной дымкой, дул сильный ветер, налетала пурга. То снова выглядывало солнце, немного теплело, и по судну струились лишь слабые ручейки снежной пыли. Иногда солнце сияло так ярко, что нельзя было выйти на палубу без тёмных очков.

А вскоре мы увидели и сам материк. Далеко-далеко на горизонте уже отчётливо были видны огромные белые глыбы

льдов. Почти все они казались усеянными чёрными точками – это были пингвины.

Антарктида – самое холодное место на планете. Средняя температура здесь около пятидесяти градусов ниже нуля. Здесь же был отмечен рекорд холода на нашей планете – минус восемьдесят девять градусов! Страна лютой пурги, самых сильных в мире ураганов, которые немного стихают летом и резко усиливаются зимой. Они ревут почти каждый день, и в воздухе со страшной скоростью несётся огромное количество снега, песка, обломков льда. В других местах планеты ураганы такой силы несут разрушения, но здесь, среди льдов, ломать нечего. На пронизывающем ветру лицо человека моментально покрывается ледяной коркой, а на бровях и ресницах вырастают сосульки. В бушующем месиве снега часто ничего нельзя рассмотреть на расстоянии двух-трёх метров даже днём.

А как же пингвины переносят такой холод? Они прекрасно себя чувствуют благодаря своим перьям, пуху и жировому слою, составляющему третью часть их веса. Но зима очень долгая, запасы жира постепенно истощаются. И тогда пингвины сбиваются в большую тесную кучу и так, по-братски прижавшись друг к другу, стоят целыми сутками, поддерживая внутри своей группы плюсовую температуру. Чтобы дать возможность согреться каждому, они постоянно меняются местами. Вокруг ветер, страшный мороз, а им всё нипочём...

В Антарктиде полгода стоит лето и полгода – зима. Всё лето здесь длится полярный день, а зимой царит нескончаемая полярная ночь. Несмотря на холод, есть в Антарктиде небольшие озёра, где селятся лишайники, мхи, водоросли и даже цветковые растения, дающие приют насекомым и птицам. Но самые многочисленные обитатели Антарктиды – пингвины. Их здесь несколько видов, но императорские пингвины – самые большие и знаменитые.

Наше судно подходило к берегу. Мы видели, как радостно машут руками полярники. Им уже давно передали по рации о нашем прибытии, но сильный ветер не давал судну причалить. С трудом мы отыскивали удобную бухту и встали на якорь.

Полярники радовались как дети. Лица их были почти скрыты под большими меховыми капюшонами, но они кричали,

прыгали, крепко жали нам руки, обнимали. Во всём мире полярников называют отважными. Ещё бы! Не каждый человек решится жить и работать в трудных условиях Антарктиды. Но этот континент очень интересен для учёных, которые изучают его природу, ледниковый покров, полезные ископаемые, климат нашей планеты и даже проверяют здесь технологии, которые могут быть в будущем использованы при освоении космоса.

После бурных приветствий мы сидели на передвижной полярной станции в тепле и уюте, пили чай и беседовали.

– Вы знаете, а ведь мы привезли вам ещё одного полярного жителя, – сказал наш капитан, – правда он пока ещё сошел на берег: наверное, очень волнуется.

Полярники заулыбались: они подумали, что мы привезли кого-нибудь из обычных домашних питомцев – собаку или, может, кошку.

Велико же было их удивление, когда они увидели нашего Фёдора Филипповича. Он сошел на лёд своей белоснежной родины и, быстро осмотревшись, вдруг вскинул голову и заворковал... Изумленье, восторг – всё выразилось в этом счастливом возгласе. Радостно было нам смотреть на нашего вернувшегося домой товарища.

Мы пытались уговорить пингвина зайти на территорию станции, но он ни за что не хотел и всё бродил и бродил вокруг. А потом вдруг пропал.

Незаметно пролетели дни. На полярной станции и вокруг неё было много интересного и нам жаль было уплывать. Но погода портилась, небо всё чаще затягивало тучами, дул пронизывающий жестокий ветер. С каждым днём становилось всё холоднее, приближалась зима, и нам надо было поскорее возвращаться домой.

Пришла пора расставаться. Наши друзья полярники помогли нам погрузить почту и опытные образцы. Наконец и вся наша команда поднялась на борт. Стали выбирать якорь, и тут все обратили внимание на появившееся невдалеке многокилометровое шествие пингвинов. Один за другим, словно печальные человечки, они неспешно брели по ледяной равнине, заметаемой снежной порошей.

Их было десятки, сотни, тысячи... Все как две капли воды похожие друг на друга. Поскользнувшись, они смешно расставляли в стороны короткие крылья, будто руки в широких рукавах, и взмахивали ими, пытаясь удержать равновесие.

Пингвины выстроились на вершине ближнего к нам холма, еле различимые из-за непрекращающегося плотного снегопада. И вот от них отделился один пингвин. Он двигался нам навстречу, приветливо помахивая крылом. И мы сразу узнали его! Это был наш Фёдор Филиппович! Он пришёл попрощаться с нами и привёл с собою своих друзей. Он словно хотел сказать нам, что у него всё хорошо, что он снова среди своих родных и знакомых... Но разве могло быть по-другому? Прodelав такой длинный путь и вернувшись наконец-то домой, он должен был, конечно, обрести своё счастье!

Наше судно медленно отходило от берега, и мы не отрываясь смотрели на удаляющийся материк... Прощай, наш товарищ, член морской команды, дорогой Фёдор Филиппович! Прощайте и вы, отважные полярники! Прощай, Антарктида!

Наше судно уходило всё дальше на север. Впереди – экватор, а там уже и до дома рукой подать. Погода становилась всё теплее, и вскоре мы уже устраивали в свободное время на палубе душ, загорали. Отогревались после холода Антарктиды. Часто вечерами, сидя в уютной кают-компании вспоминали Фёдора Филипповича. Как ему живётся на его суровой величественной родине?

Там, наверное, сейчас пурга. Гудит буйный ветер и встают сугробы, твёрдые и прочные, как камень... Впереди долгая полярная ночь, тьма, блеск холодной луны да яркие переливы полярных сияний. Папы-пингвины, тесно прижавшись друг к другу, терпеливо переносят голод и холод, насиживают яйцо, согревая его своим телом два долгих месяца. А когда вылупляется пушистый и беспомощный птенец, пингвины-отцы держат его на лапах, под тёплой складкой брюха...

Может быть, наш Фёдор Филиппович тоже станет отцом и будет кормить своего птенца жирным питательным «молоком» прямо из зоба? Ему также придется защищать своего малыша от бездетных пингвинов, которые прямо-таки жаждут отбить чужого пингвинёнка и усыновить его. Они машут крыльями,

клюют и толкают друг друга и могут в сутолоке могут даже случайно затоптать птенца. Тут уж отцам – не зевай, смотри в оба! В непрестанных заботах о своём детёныше бедняги теряют почти половину веса, питаюсь одним только снегом...

Но вот, возвращаются отдохнувшие, расплывшиеся от рыбной кормёжки мамы-пингвинихи. Громким пением они зовут самцов-пап и те отвечают им призывными трелями. И хотя не так-то просто отыскать своего супруга среди тысяч галдящих птиц, всё заканчивается счастливой встречей. Теперь уже мамина очередь кормить и обогреть птенца. Как и папа, она кормит его «молоком», а кроме того, полупереваренной пищей: отрывая небольшими частями припасённую в желудке еду, пингвиниха вкладывает её в клювик детёныша. А полуживой от голода отец покидает своё семейство и в свою очередь отправляется к морю, чтобы как следует подкормиться...

Проходит месяц, и подросшие птенцы уже не помещаются в родительском брюшном кармане, поэтому их отправляют в пингвиний «детский сад». Здесь они находятся под неусыпным присмотром воспитательниц-пингвиних, которые присматривают за ними и защищают от хищных птиц – буревестников. Как и взрослые, малыши сбиваются в тесную кучку, чтобы противостоять холодам. Родители же поочередно ходят за кормом.

Вместе с зимой кончается и пингвинье детство. Слабеют морозы, всё реже бушует пурга, по берегам тает лёд. Пингвинята оперяются, растут с каждым днём и почти не отличаются по виду от взрослых. Их ждёт теперь новая взрослая жизнь».

Заслушавшись рассказом боцмана, моряки и не заметили, как прошёл вечер. А утром наконец-то услышали долгожданный сигнал акустика: «Рыба пошла!». Радостные, соскучившиеся по работе, все ринулись на палубу.

Начался лов. Ловили без отдыха, пока не наполнили все трюмы. К вечеру убрали трал, вымыли палубу и устроились ужинать. Вспомнили вчерашний рассказ боцмана.

– Да, случится же такое... – сказал один матрос. – Совершенно невероятный случай! Это же надо: с пингином путешествовать!

И вдруг радист сообщил, что навстречу движется сухогруз и просит не менять курс: есть одна важная просьба. «Осторожный» остановился и стал ждать.

Вскоре из тумана появилось огромное судно. Команда «Осторожного» высыпала на палубу. Кинули швартовы, сухогруз причалил. Оттуда рукой махал старпом:

– Братцы, тут такое дело... Мы возвращаемся домой в Севастополь. Там жарко, а у нас... Возьмёте?

И он махнул рукой куда-то в сторону своего судна. Все дружно повернули головы и увидели там...

Большой императорский пингвин стоял среди матросов сухогруза и хитро косил глазом в сторону «Осторожного».

*Игорь МАЛЫШЕВ (Орёл) –
диплом I степени в номинации «Поэзия»*

У ЦЕРКВИ

Вот и крещенские морозы!
Берут, родимые, своё –
Так, что на скулах стыннут слёзы,
И липнет к трубам вороньё.

У церкви пусто. Холод лютый
Прогнал людишек от ворот.
Лишь служка, временем согнутый,
Стучит лопатую об лёд.

До самых глаз натянут ворот,
Под ним морщинами – года.
А ведь когда-то был и молод,
Теперь припомнить бы – когда?

Летят прозрачные осколки
Из-под калёного штыка
И звонко падают под ёлки
На глыбы мёрзлого песка.

В них отраженьем бесноватым
Былое видится, как сон –
Уж как же грешен был когда-то
Седой монах Илларион.

В СТАРОМ ТРАМВАЕ

Старые москвички в стареньком трамвае
О своём, о бабьем, тянут разговор:
– Дочь вчера звонила...
– Ишь, не забывает. Где она?
– В Тюмени.
– Что ты! До сих пор?!
– Да, уже лет десять. Говорит, неплохо.
Вкальывает, правда, до ночи с утра.
– А мои – в Самаре. Тоже – слава Богу.
Не Тюмень, конечно, но и не дыра...

Помолчали. Тряско в стареньком трамвае.
Взвизгнула сирена где-то в стороне.
– Ты скажи мне, Соня, я не понимаю,
Что там обещает Прохоров стране?

– Сашенька, ну что он может дать народу?
Всё, что сохранили, разметелит в прах.
Посмотри на эту новую породу –
Где ты видишь совесть? Он же олигарх...

– Да, совсем забыла: заходила Мила,
Говорит, что будто Зойка померла.
Ну, ты помнишь, та, что в «котике» ходила,
А потом напротив Зотовых жила...

Замолчали снова. Может, из-за Зойки,
Может, потому что просто вышел пар.
Двадцать третий номер шёл по рельсам бойко,
Хоть и был, пожалуй, как москвички, стар.

ПОСЛЕ СНА

Я утром встал – ещё казалось
Во все глаза смотрела ночь,
Земля с прохладой не прощалась
И тьма не шла от окон прочь.

Не гасли звёзды над амбаром,
Не бряцал вёдрами сосед,
Лишь вдалеке за Белым Яром
Уже хозяйничал рассвет.

Не то тоска, не то тревога
В груди, как талая вода:
Мне снилась дальняя дорога,
Да не припомнится – куда?

Мне снились робкие объятья,
Да не припомню только – чьи?
И звук шагов, и шорох платья,
И блеск расплавленной свечи...

Закреть глаза? Пусть дух Морфея
Ещё чуть-чуть послужит мне:
Я должен вспомнить, что за фея
Неслась по лугу на коне...

* * *

Если даже я скажу «не люблю»,
Ты ведь знаешь, это только слова.
До тебя я жил, как кум королю,
Был свободен, как под ветром трава.

Просыпался и не думал о том,
Чем под вечер успокоится день –
Под его благословенным крылом
Добросовестно отбрасывал тень.

А теперь я, словно паинька-паж,
За тобой иду бездумно след в след,
Пью любовь из одурманенных чаш
И ловлю твой заколдованный свет.

Песни грустные на зорях пою,
До закатов доживаю едва...
Если даже я скажу «не люблю»,
Ты ведь знаешь, это только слова.

Виталий ПЛОТНИКОВ
(Котлас, Архангельская область) –
диплом II степени в номинации «Поэзия»

НА БАБАЕВСКИХ УГОРАХ
(В сокращении)

Дорога, словно пьяная,
То вкривь ведёт, то вкось,
И, как дерюжка рваная,
Над речкой брошен мост,
Да стонет беспризорная,-
Гниет, пустеет, мшит,-
Изба. Резьбой узорною
Подзор ее подшит.

Она казалась крепостью
И другу, и врагу,
Но смерть её нелепостью
Назвать я не могу.
С поветью, пятистенная,
Со взвозом да мостом...
Большой семьи вселенная
Вмещалась в этот дом.
Тянулись поколения
Из года в новый год,
Ведя с благословением
Свой черносошный род.
Любили землю, холили:
И пашни, и луга...
И столько пота пролили,
Казалось – на века.
Да, только, той упряминки
Сломали стерженёк,
И даже вот завалинки
Потомок не сберег.

Вот так и получается -
Всему есть свой пролог:
С порога начинается
Судьба любых дорог.
Вначале на пригорки,
А дальше –
Всё в угор.
Да «закатали горки»
Хозяина в разор.
От пота плечи солонны
Да «сбиты кулаки»...
На все четыре стороны
Бежали мужики
От родового племени
Бабаевских славян
В кручинное безвременье
Да в городской бурьян.

*Лев ШАДРИН (Курск) –
диплом I степени в номинации «Проза»*

Глава из повести

Монголо-татарской ордой, с гиканьем, верблюжьим ревом и степным ветром, валились с улицы одноклассники. Раздетые, налегке. Мишка шмыгает носом, уши огненные.

– Вы откуда? – Вова «Длинный» пожал холодную руку.

– Да-а... за школу ходили... – Зябко ежился, тер плечи. От него веяло студеным запахом раннего утра и табачным перегаром.

– Ты куришь, что ли, мелкий? – Вовка щербато улыбнулся, одного резца не хватало.

– Я еще и пью, и матюкаюсь! – Михаил гордо вскинул голову.

Поднялись на третий этаж. В класс не пускали, ученики столпились под дверью.

У окна, в окружении подружек, первая красавица класса, Наталья. Поглядела на отражение в стекле, достала из сумочки пудреницу. Поправила пальцем тушь под глазом – затрепетала ресницами – мохнатый перламутровый мотылек. Скосилась на подошедших ребят. Безразлично кивнула на Володькино «доброе утро».

– О-о! – лицемерно обрадовался одноклассник Мазай, – Штепсель и Торопунька! – крепыш Мазай, как в народе говорят, «хоть поставь, хоть положи». Широкоплечий, поэтому кажется приземистым. «Качок» и, если ему верить, чуть ли ни мастер спорта по греко-римской борьбе. Он пакостно ухмылялся: – Метр в кепке, в прыжке на горшке! – и сам же громче всех захохотал. Быстро, исподтишка глянул на красавицу Наталью, оценила ли?

Мишка простодушно улыбался, подчиняясь общему веселью. Володька же старался казаться сонно-безразличным.

Это был затяжной конфликт. Случается такое, взаимная необъяснимая антипатия на подсознательном, животном уровне. Впервые подрались еще в четвертом классе. Тогда победила дружба. Вооруженное перемирие. И с тех пор меж ними, как статическое электричество. Увидят друг друга – волосы на

руках встают дыбом. Давно, давно нужно было разрубить этот узел, вспороть гнойник, но не хватало мужества. Здоровый он – и Володька отщучивался, уклонялся, скрывался за показным равнодушием.

Мазай, чувствуя слабость, все больше наглед. Понятно было – скоро дойдут до края, столкнутся так, что вырубят искру...

Черные зеркала окон поблекли. Сквозь амальгаму ночи проступала утренняя серость.

Из учительской вышла литераторша. К груди прижимала журнал и стопку тетрадей. Подошла, поздоровалась. Мазай стоял ближе всех – окликнула его:

– Мазаев.

– Чо?

– Не «чо», а дверь откройте! – Протянула ему ключ с болтающимся на шнурке номерком.

Мазай недовольно пробубнил: «А чо, сразу – я», – но ключ взял.

Среди учеников бытовали обычаи сродни зоновским. Работать на «администрацию» считалось «западло».

Мишка, как бы про себя, но достаточно громко:

– Что за колода без шестерки!

Мазаев ковырялся в замке – замедленно выпрямился, оборотился с такой значительностью, что Миша, затрепетав от ужаса, должен был удариться в бегство.

– Чо-о? – протянул Мазай гундосо.

– Лучше бы ты родился слепым, чем глухим! – не заробел Мишка.

– Договоришься щас!

– Мазявый, активнее работаем ключиком, а то мы уже стосковались по знаниям! – Володька «Длинный» оглянулся на учительницу. – Правда, Надежда Романовна?

Она только поджала вялые губки.

Мазай дернул дверь на себя – щелкнул замок. Распахнул, отступил, пропуская педагога. Ученики, толкаясь, хлынули следом, будто боялись, что займут их места.

Володька, вообще по жизни ленивый философ, спокойно переживал движение масс, справедливо полагая, что «сесть всегда успеется».

Мазаев тоже не бросился в класс – оперся о косяк, крутил на пальце шнурок с ключом.

Наконец, основную массу всосало внутрь – двинулись и ребята. Мазай все так же стоял в дверях. И, когда Миша уже было прошел – пнул по пятке на шаге. Мишка запутался в ногах, с грохотом влетел в класс. Чудом не растянулся на полу.

Одноклассники захохотали. Литераторша возмущенно уставилась: что вы тут цирк устроили?

Мазаев положил на учительский стол ключ, театрально «опалился» на Мишку:

– Тебе что тут, игрушки? Нет, я в упор на него смотрю, а он продолжает своё!

Надежда Романовна устало вздохнула:

– Мазаев, хватит паясничать.

Воздух в классе застоялся, воняло линолеумом.

Металлически завершал звонок на урок, точно топор правил на точильном станке.

Володя припал к столешнице, окликнул сидящую впереди красавицу:

– Наташ, Наташ...

Никакой реакции.

Взял ручку, ткнул в спину. Наталья упруго изогнулась – губы плотно сжаты, глаза бешенные:

– Что тебе!?

Володя почти лежал на парте, жалостливо, по-щенячьи смотрел снизу вверх:

– Нижайше молю о снисхождении...

Наташа или не расслышала, или не поняла – сощурилась, нагнулась к нему:

– Чего?

Деланным басом запел вполголоса:

– «Во-от, наконец, настал тот ча-ас, когда я снова вижу вас...»

Наташка отвернулась.

Михаил стыдливо улыбался, бегал глазами, как обезьянка. Володя снова потянулся ткнуть ручкой – Натали оглянулась раньше:

– Отстань!

– Наталья Побатьковна, не погубите, дайте списать матешу.

Наташа с мстительной интонацией выдавила:

– Нет!

– Разве «нет» – это ответ? – Но она уже не слушала.

Володька, все так же лежа на парте, пожевал губами, поглядел на Мишку. Снова шепотом окликнул девушку. Робко обернулась ее соседка, Люба Нелепина:

– Володь, хочешь, я тебе дам?

Он помолчал, пожал плечами:

– Ну что же... А математику потом дашь списать?

Мишка всхрапнул.

Люба отвернулась, буркнув «дурак».

– Дрёмов! – железная интонация педагога.

Володя сжался, отяжелел. Выдохнул, оттолкнулся руками от стола, всплыл:

– Да, Надежда Романовна.

– Ответьте на мой вопрос.

Тупик. Учителя любят так поступать. Дети болтают, не слушают. Их вызывают – и если попросит повторить, мол, не расслышал – следует нравоучение и законная двойка.

Володька нервно взъерошил волосы:

– Вы имеете в виду последний вопрос?

Педагог кивнула, сняла очки. Прикрыв глаз, потеряла пальцем веко. Дряблая кожа на мгновение застыла, потом нехотя начала расправляться, равномерно обволакивая глазное яблоко.

Володька тянул время, в надежде на великодушие одноклассников. И таки услышал спасительный шелест...

– Вы имеете в виду, какие виды предложений? – Володька вскинул подбородок.

– Именно. – Надежда Романовна снова надела очки.

– Ну... – Володька надул щеки. – Простое, сложное.

Мишка по-пластунски полз к нему по парте, что-то шептал.

Володька, как слепой, весь обратился в слух:

– Э... безличное...

– Еще.

– Двучленное...

Надежда Романовна взглянула поверх оправы, тонко переспросила:

– Какое?

Володька понял, что был жестоко обманут другом. По щекам от ушей растеклись алые пятна.

Класс взорвался – окна грохнули!

– Садись, «двуличное». Внимательнее надо быть на уроках.

– Надежда Романовна поставила в журнале точку.

Мишку колотило от задавленного хохота, фыркал, как клокочущий чайник. Покраснел не меньше Володи. Даже слезы навернулись.

Когда учительница отвлеклась, Володька стукнул предателя по «тяге», в мышцу бедра.

Михаил хрюкнул, упал лицом на парту и забился в истерике.

*Анастасия РОГАХ (Ярославль) –
диплом I степени в номинации
«Литературное творчество для детей»*

Я РИСУЮ ЧЕЛОВЕКА

Я рисую человека:
Руки, ноги, голова...
В голове цветные
мысли
И округлые слова.
А в груди у человека
Расцветает не спеша,
Как ромашка полевая,
Белоснежная душа!

КРЫЛЬЯ

На лунной дорожке,
Пронизанной светом,
Купаются ангелы
В озере летом.
А утром на небе,
Встряхнув без усилия,
Развесьт сушиться
Намокшие крылья.
И крылья полощутся,
Будто живые.
А в небе летят
Облака перьевые...

МУРКА И САМОЛЁТ

В Мурке есть что-то
От самолёта -
Заводится Мурка
С пол-оборота.
Под рьжею шкуркой -
Мотор тарахтит,
И, кажется, Мурка
От счастья взлетит!

НАДУВАЮСЬ

Надуваюсь,
Надуваюсь,
Вправо,
Влево,
ВВЫСЬ
и в ш и р ь!
Надуваюсь,
Надуваюсь,
Надуваюсь,
Как пузырь!

Надуваюсь не для вида
У меня внутри обида,
Очень сильная обида,
Раньше были всё не те.
Я сижу, сомкнувши губы,
Я сижу, сцепивши зубы,
И растёт моя обида
Где-то в самом животе!

Вот сейчас глазами хлопну
И взлечу!
А может
Лопну!

Я БЕГУ ПО БЕРЕГУ К МАМЕ

Я бегу по берегу к маме.
На маме шляпа с большими полями.
С большими-большими полями
С ягодами и цветами,
Птицами и облаками,
Яблоневыми садами
И солнечными городами,
Морями и кораблями,
И маленькой-маленькой девочкой
Со светлыми волосами,
Бегущей по берегу к маме.
А мама в шляпе
С большими-большими полями.

НИТОЧКА

Торчит из кофты ниточка,
А я её тяну,
Вытягиваю ниточку
В длину-длину-длину.
Ведь так приятно ниточку
На палец навивать,
И нитку, словно песенку,
Неловко обрывать.
Но вот глядит из кофточки
Сердитая дыра.
Пускай дыра сердитая,
А я кричу: «Ура!».
В моей руке из ниточки
Сложился и затих
Серьёзный и застенчивый
Живой кудрявых стих!

Лауреаты IV Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2014)

В 2014 году в оргкомитет фестиваля в рамках конкурсной программы поступило 80 авторских материалов из 23-х регионов России, а также из Украины и Латвии.

ГРАН-ПРИ:

Антон Лукин(с. Дивеево, Нижегородская область)

ПОЭЗИЯ:

Диплом лауреата I степени – Наталья Мишина (Брянск)

Диплом лауреата II степени – Виолетта Фокина (Орёл)

Диплом лауреата III степени – Анна Мамаенко (Краснодар)

ПРОЗА:

Диплом лауреата I степени – Анастасия Чернова (Москва)

Диплом лауреата II степени – Алексей Агапов (Иваново)

Диплом лауреата III степени – Евгения Перлова (Екатеринбург)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЛЯ ДЕТЕЙ:

Диплом лауреата I степени – Марина Тараненко (Краснодар)

Диплом лауреата II степени – Марина Шапошникова (Астрахань)

Диплом лауреата III степени – Светлана Сорока (г. Клин, Московская область)

Антон ЛУКИН
(с. Дивеево, Нижегородская область) – ГРАН-ПРИ

АЛЁША ХОРОШИЙ!..

Рассказ

Алексею Симакову, или просто Алеше, как все его называли, было тридцать семь лет. Он был не от мира сего, слабым на ум. Слов знал немного, говорил плохо, с задержкой, чаще объяснялся жестами, когда хотел что-то сказать. Был безобидным, наивным и добрым, как ребенок. Всегда всем пытался чем-то помочь, предложить свою помощь, очень хотел быть нужным обществу. В деревне его все жалели и любили за спокойный характер. Зимой с утраца выйдет с ломом и к магазину лед отбивать или снег кому где почистит, хотя никто его об этом не просит.

– Алеша, хороший! – утирал он перчаткой лоб.

– Хороший Алеша, молодец Алеша, умница, – хвалили его бабы.

– Хороший, – кивал он.

Каждый день он захаживал в гости к старику Кондрату. Тот вот уже второй год как схоронил жену, Агафью. Хорошей души человек была. Тоже, как и Алексей, всех любила и жалела. Скучно старику одному, совсем раскис да к тому же еще и ослеп на один глаз. Тяжело. Поговорить не с кем. Выйдет, бывало, во двор, сядет на завалинку и сидит весь день, на небо посматривая. Молчит. О чем-то думает. Алеша зайдет, воды натаскает да скотину покормит. Умом невелик, а работать умел. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинке и тоже молча на небо уставится. Забьет Кондрат табаку, закурит, прослезится. Правый глаз его почти тоже ослеп и всегда слезился. Протрет его аккуратно уголком платка, вздохнет тяжело и давай рассказывать какую-нибудь историю из жизни. Алеша сидит, слушает. А Кондрат мог часами рассказывать о своей долгой работающей жизни. Поговорит, и на душе легко старику сразу. Пускай Алеша и плохой собеседник, больше

молчит, но все же приятно, когда тебя слушают. А слушать Алеша умел.

Жили они с матерью вдвоем. Отец погиб на фронте в сорок четвертом году. Алексею тогда одиннадцать лет было. Есть у него еще брат Макар, что на пять лет младше, но тот уже женат и давно живет в городе. Детишками обзавелся. Лизка и Нюрка. Славные девчата, смешные. Лизка на маму больше похожа, и глазами и характером, тихая, скромная, а вот Нюра, та копия Макара: заводная, любопытная, ни секунды на месте не посидит. Давненько Алексей брата не видел, соскучился по нему и с племянками давно не играл. Любил он детей, и они его любили, и животные тоже, никакая собака сроду не гавкнет. Все-таки умеют звери распознавать добрых людей. Умеют.

В том году, уже по осени, к ним в деревню заглянул цыган. Мужчина лет сорока пяти, босой, немывтый и нечесанный, с маленьким мальчиком на руках. Ребенку годков пять было. По смуглому и худому лицу малыша можно было понять, что он голоден. Глаза большие, пугливые. Цыгане заходили в каждый двор, просили помочь кто чем может, но многие отказывали. Недолюбливают попрошаек, да еще и цыган. Почему-то этот кочевой народ всегда вызывал плохое отношение к себе.

Алексей сидел за столом и хлебал щи, когда в дверь постучали и на пороге показался цыган.

– Добрый вечер, – любезно произнес тот и даже немного поклонился. – Помогите, люди добрые, ради Христа, чем можете, любой помощи будем рады.

Мать протянула цыгану кусок хлеба с салом и угостила мальчика молоком. Гости вежливо поблагодарили и отправились дальше.

За окном уже темнело.

– Ма, – посмотрел Алексей на мать.

– И не проси даже, – ответила женщина, – на ночь не пушу. Обворует еще.

Алексей догнал цыгана уже на околице, дал ему еще немного еды и снял с себя сапоги. Тот надел их на мозолистые сбитые ноги и поблагодарил от всего сердца. Цыган был так тронут заботой, что прослезился.

– Алеша, хороший! – только и ответил ему Алексей.

Долго потом мать бранила его за сапоги. Неприятно было. Алеша никогда не любил, когда его ругали. И всегда, будь он виноват или нет, отводил глаза в сторону и молча кивал. Но поделаться с собой ничего не мог. Жалко ему было цыгана, и кроху на его плечах тоже было жалко. Смотреть на них и то было больно. Нищих всегда жалко.

Как-то летом, когда Алексей растапливал баню, мать получила от Макара письмо, в котором сообщалось, что тот через пару дней приедет с Лизкой. Сам-то на ночь, но дочь собирался оставить на месяц.

«...сам бы задержался подольше, но не могу, работа не отпускает. Даст бог, вырвусь на неделку ближе к осени. Лизка пока погостит у вас, с месяцок, потом заберу. Нюра едет отдыхать в пионерский лагерь. Вот так вот...» – прочитала Алексею мать письмецо. – Может, Лешенька, в город поедешь?

– В город?

– В город. С братом. Поживешь месяцок у него. На город хоть посмотришь. В кино сходишь, в музей какой, на троллейбусе прокатишься... Макар за Лизкой поедет, и ты с ним.

Алексей призадумался, взглядом уставился на потолок. Он всегда так, когда о чем-нибудь размышлял, думал подолгу и смотрел вверх. В городе он и правда ни разу не бывал, а хочет или нет он в город, никогда не задумывался. Наверное, там все-таки интересно, в городе-то, и брата давно не видел, соскучился ужасно. Хоть с ним поживет.

– Алеша хочет покататься на тро... тро...

– На троллейбусе, – помогла мать.

Алеша кивнул головой.

– С Макарой я поговорю, – и женщина обняла сына со всей материнской нежностью и заботой. – Город увидишь.

...Алексей стоял на остановке и ждал автобуса. Нервничал. Никак не мог дождаться встречи с братом. Мать осталась дома. Наконец автобус подъехал, и из него вышел Макар с Лизкой и Степка Селезнев, тот в райцентр катался.

– Алешка! Алешка! – бросилась ему на шею Лизка. Тот поднял ее на руки и несколько раз подбросил вверх. Подошел Макар, обнялись. У Алексея выступили слезы. Он поцеловал брата и грубыми пальцами протер глаза. Самым тяжелым для

него было прощание и долгожданная встреча. Алексей всегда нервничал, но потом быстро приходил в себя.

– Ну, здравствуй, брат, вот и снова увиделись, – улыбнулся Макар. – Как поживаете? Мать слушаешь? Не хулиганишь?

– Нууу, – замотал головой. – Алеша, хороший!

Макар засмеялся.

– Хороший, хороший.

– И Макарушка хороший!

– Ну, – улыбнулся, – стараюсь.

Лизка держалась за дядину широкую ладонь и покачивала его руку.

– Что? Пойдем. Матушка, поди, заждалась? – подхватив баул, Макар кивнул Лизе. – Потопали?

– Потопали, – согласилась девочка, но идти ей не пришлось. Алексей посадил ее на плечи и поспешил за братом.

Мать к тому времени уже накрыла стол. Долго обнимала и целовала сына с внучкой: есть все же радость в жизни. Есть. Живешь обычной тихой жизнью, вроде бы и все хорошо, спокойно. А приедут погостить, пусть даже на ночь, до боли родные тебе люди, и такая радость на душе сразу, плакать и смеяться хочется, и понимаешь, ради чего живешь – ради вот этих мгновений. Женщина плакала, но то были добрые слезы, слезы радости. Потом сидели за столом, пили чай и слушали Макара, который интересно рассказывал про городскую жизнь, про цирк, в который он недавно ходил с семьей. Лизка перебивала его, говорила, что видела тигров и медведей. Алеша смотрел на брата и представлял себе тигров, полосатых, огромных и никак не мог понять, как это медведь может кататься на велосипеде. Переспрашивал брата, но тот лишь улыбался и говорил, что в жизни, мол, все бывает.

Потом Алексей с братом отправились на пруд, порыбачить. Лизка тоже с ними увязалась. Эх, и любил Макар рыбалку, все детство провел на пруду с удочкой. Алеша же сам никогда не ловил. Он предпочитал подолгу сидеть на берегу с рыбаками и молча смотреть на поплавки, словно сам ловит. А с первым уловом кружился подолгу у ведра и, вытащив рыбу, поглаживал ладонью серебристую чешую.

– Хорошая рыба!

Мужики смеялись.

Макар медленно осмотрел пруд, задумался, вспомнились далекие деньки. В небе проплывали пушистые облака и отражались в воде.

– Овечки плывут, – улыбнулся Макар. Он всегда их так называл. Размотав удочку, он закинул ее в воду.

Сидели молча, посматривали на поплавок. Алексей-то мог сидеть так подолгу, но Лизка вскоре стало скучно.

– Пойдем ловить кузнечиков, – предложила она Алексею. Тот согласился.

Макар поймал несколько окуньков. Клевало слабо. Поутру нужно идти.

День пролетел незаметно. Вечером поужинали, поговорили немного. Легли спать. Утром Алексей с Лизкой ушли к старому дубу, что рос возле Воробьевых. На нем висели качели. Воробьев-старший еще по весне смастерил их для своих проказников. Алеша раскачивал племянницу, а та весело смеялась, взлетая вверх.

Покачавшись на качелях, прогулялись немного по деревне, по пути заглянули на луг, где паслось стадо, и направились к дому. Лизка остановилась у плетня и стала срывать ромашки, хотела папе нарвать букет в дорогу, Алеша же зашел в сени. Из избы доносились голоса. Мать разговаривала с Макаром по поводу города.

– ...да пойми ты, не могу я его взять с собою, не могу, – слышался голос Макара.

– Ишь ты, не могу, а ты через не могу, – наседала мать.

– Да куда я его повезу? Ты посмотри на него, люди потом говорить начнут...

– А ты что, брата стесняешься?! – закричала мать. Немного помолчали. – Пускай город посмотрит. Ведь дальше Осиновки нашей никуда не ездил. Чай, ему тоже хочется, интересно... А за Лизкой поедешь, обратно привезешь.

– Да не могу я мам, не могу...

– Вот заладил свое, не могу, не могу!

– Ну, куда я его возьму? Он что дитё малое. В город одного не отпустишь, мы с Варькой с утра до вечера на работе,

нянчиться с ним у меня времени нет. Ну чего он в квартире один сидеть будет? Нет. Ближе к отпуску споемся, посмотрим. Сейчас нет...

Алеша вышел во двор и уселся на скамейку, обхватив голову руками. По щеке скользнула слеза. Слова брата не выходили из головы. Он тихонько замычал. Внутри все сжалось, а сердце рвалось на куски. Было больно.

Подошла Лизка и показала букет.

– Красивый?

Алексей поднял голову, посмотрел на племяншку.

– Это я его папе нарвала. Красивый, правда?

Алеша кивнул, обнял Лизу и заплакал. Он крепко прижимал ее к себе и незаметно смахивал слезинки, чтобы та их не видела.

Ближе к обеду Макар попрощался с матерью и отправился к остановке. Алексей с Лизкой пошли его провожать. Всю дорогу Макар что-то рассказывал и над чем-то посмеивался, но Алексей его не слушал. Он шел и думал совсем о другом.

– О чем задумался? – поинтересовался брат.

– Алеша, плохой.

– Почему, плохой-то? – улыбнулся Макар. – Натворил, что ли, чего?

Алеша промолчал. Подъехал автобус. Быстренько попрощались, и Макар уехал. Алексей взял Лизу за маленькую ладошку, посмотрел немного на пыльную дорогу, на удаляющийся транспорт и отправился с ней в деревню. Тяжело было на душе. Больно. Он печально вздохнул и опустил голову вниз:

– Алеша, плохой. Плохой, Алеша.

*Наталья МИШИНА (Брянск) –
Диплом лауреата I степени в номинации «Поэзия»*

КОЛОДЕЦ

В холодном сумраке колец
Колодец чистит мой отец:
Песок ... вода ... песок ... вода,
Как тяжесть вечного труда.

Над непривычной пустотой
Я вверх тяну песок с водой
По полведра, да вот беда -
Слабеют руки иногда.

Я вижу: словно светлый луч,
Пробился новый чистый ключ...
Песок ... вода ... Так без конца
На дне, у пятого кольца...

А между тем растет быстрее
Песочница для сыновей
В том мире, где в свой точный срок
Из капли жизнь течет в песок.

* * *

Шелестят вековые деревья,
Наклонясь над заросшей рекой.
Вымирающей русской деревни
Слышен стон, тишина и покой.

Лишь заплатка цветущей картошки
Да встревоженный крик петуха
Вдруг напомнят на узенькой стежке,
Что деревня живая... пока.

Там, где были поля и покосы,
Слышен вой осмелевших волчат,
Там теперь молодые березы
О России тоскливо молчат.

Вся в бурьяне тропа до погоста,
Почернели дома без людей.
Только аисты вьют свои гнезда,
Но в деревню не носят детей.

ПОСЛЕДНЕЕ SMS

Домой от остановки путь короткий.
Такси умчалось – запорошен след.
А я иду замедленной походкой
И набираю SMS в ответ:

«Пойми... Прости... Я не твоя невеста.
И большего – не надо, не проси...
Кто любит – провожает до подъезда,
А кто не любит – только до такси».

Пусть рассыпает вечер по дорогам
Пушистый снег, не знающий тревог.
Хотелось рассказать тебе о многом,
Но всё вместилось в эти восемь строк.

И загорелась надпись на дисплее:
«Доставлено». Ну вот, он всё поймёт.
А здесь, у дома кажется теплее
И как-то снег красивее метёт.

НАЧАЛО ДОЖДЯ

Дождь прошёл по тишине тропинок
В старый сад, давно уже ничей.
Он сыграл на струнах паутинок
Нежные мелодии ночей.

И теперь в саду, шурша листвою,
Он рисует новые ходы
И крадётся стёжкой кривою,
Оставляя мокрые следы.

С яблони раскидистой и вишен
Дождь срывает белые цветы...
Дождь пройдёт, а кто-то не услышит,
Не увидит этой красоты.

*Чернова Анастасия Евгеньевна (Москва) –
Диплом лауреата I степени в номинации «Проза»*

ШАГИ ОСЕНИ

Сестре Юле

В доме напротив на балконе сушили белье, а в открытой форточке сидел коричневый кот. Вернее, он был темно-рыжим, с зелеными, будто стекло бутылки, глазами, и очень толстый. Свой хвост он свешивал вниз, а иногда скручивал у передних лап.

Дядя Миша, как приехал из деревни – в первую очередь на кота посмотрел, заметив: «Даже кот не такой. Городской, парниковый». Вскоре дядю Мишу положили в больницу, мама и бабушка ходили к нему каждый день, навещали, а мы – дома оставались. Все о чем-то говорили и смотрели в окно. И тогда я увидела...

Из соседнего дома выносили гроб. Всего несколько человек следовало за ним.

Они были такие старые, что держались за палки, а перед тем как сделать новый шаг, долго проверяли, чуть дотрагиваясь кончиком сапога, прочность земли, словно боялись, что земля мягкая и может продавиться от неосторожного прикосновения.

Потом я поняла – они шли так же легко и невесомо, как дышит в груди сердце, они шли, не оставляя на земле следов.

Ни одного следа, кроме едва заметного отпечатка деревянной палки!

Неожиданно одна из женщин, в длинном темном пальто, раскинула руки и, качнувшись, упала. Она осела на бок, подмяв под себя локоть. Вторая же рука продолжала тянуться за гробом и часто дрожала, словно лист на ветру.

В нашей комнате в это утреннее время было темно и тихо. Мы с сестрой не включали свет, потому что хотели поиграть в «ночной бой», то есть собирались подраться в темноте подушками.

Сейчас моя сестра тоже стояла возле окна. Она была старше на три года.

– Хоронят, – сказала она. Потом помолчала и добавила. – Кто-то умер. Теперь все умирают, так положено. Их в землю закапывают.

– А почему? – спросила я.

Мне казалось, что земля внутри пустая. Когда я прикладывала ухо к траве, то ничего не слышала. Под землей было мирно и безжизненно.

– Почему, почему! – сестра не любила лишних вопросов. – Какая разница почему!

Она обернулась ко мне, и тут я увидела, что в глазах у нее стоят крупные слезы.

– Да ведь места не хватит всем оставаться! Ведь это только на время, на время тут! А так... все там. Арина закрыла руками лицо, а я побежала на кухню, села на пол, прижимаясь к стене так, что чувствовала затылком ее холод, и принялась обдумывать, я еще никогда не думала, даже не догадывалась об этом.

В соседнем доме жили незнакомые люди. Они сушили на балконе белье, а в форточке сидел кот; мне очень нравился тот кот. Теперь же там что-то случилось. Что-то непоправимо страшное. Останется ли все как прежде?

Неужели похоронят – и снова настанет утро и, может быть, взойдет солнце, проступит алой полосой заря?! Что-то надо было делать, а что – я не знала. Я вспомнила сестру и

заплакала, закусив нижнюю губу, так же бесшумно. Так я оплакивала первую узнанную смерть чужого человека. Не менее старательно и заботливо, как если бы мы были знакомы и любили друг друга.

К полудню небо прояснилось. Посветлело. Шторы стали легче и прозрачней. С этим тепло-желтым светом я успокоилась. Вытерла рукавом глаза и даже улыбнулась. Мне пришла одна мысль.

– Если построить высокие дома – то все поместятся! Дома – до неба. Будет место! – докладывала я сестре следующим утром.

– Ты – дура, – ответила она. – Такой глубокий фундамент не удастся вырыть. Если будет фундамент мелкий, дом рухнет. А чтобы глубокий был – места пустого не хватит. В земле покойников много. Их вынимать нельзя.

Мама и бабушка услышали наш разговор.

– Сейчас разные технологии, – сказала бабушка. – Наука развивается. Вот, например, когда вчера мы были в магазине, то кто-то сказал про проект стоэтажных домов, а еще про проект переселения на луну.

Бабушка интересовалась наукой и всем новым. Иногда я спрашивала: «Бабушка, ты помнишь деревню?»

Она отвечала: «Какая деревня?!» – Тут бабушка издавала вздох, выражающий крайнюю степень неодобрения.

Арина принесла большую книгу и села рядом с нами.

Светлые волосы, еще не расчесанные с утра, прядями сбегали по спине. Арина недавно проснулась. Она сидела в больших не по размеру носках и в белой футболке. Чтобы носки не сползли, она чуть приподнимала ноги и покачивала ими, а книга лежала на коленях, свет падал на ее страницы.

Я подошла к окну. Похожие на золотистые цветы, по небу плыли легкие облака.

Как хорошо! И это после вчерашнего черного утра, после странного страшного слова «хоронят», когда все, казалось, кончилось, вдруг такое солнце, такая жизнь! Я отодвинула штору и чуть не вскрикнула от радости. На балконе, как и прежде, сушилось белье. Лоскутное одеяло, сложенное пополам, покачивалось на веревке, а коричневый кот, зажмурив

глаза, грелся на солнышке. Я не выдержала, подбежала к Арине и, обняв ее сзади, заговорила:

– Там, все как прежде. Арина, все-все, даже кот, даже одеяло, представляешь? Пестрое одеяло!

Арина встала и вместе со мной подошла к окну. Она долго думала, примеривая взглядом и кота, и одеяло.

– А что? – спросила бабушка. – Разве вчера что-то случилось?

– Нет, – задумчиво произнесла Арина, – просто кто-то умер. Катя хотела, чтобы дома до неба строили, и смерти не стало, но это невозможно.

Бабушка подняла голову, задумчиво и долго смотрела перед собой, а потом медленно произнесла:

– Кто же?... Я всех знала там, когда-то знала. Мы здоровались друг с другом, вместе встречали Новый год...

Я представила, как бабушка встречает Новый год. У нас была фотография, она хранилась в картонной папке вместе с другими, но выделялась своим движением. Черно-белая, чуть с желтизной, я любила рассматривать ту фотографию. Большая елка, засыпанная дождем и мишурой – а сбоку стол, на котором торт, салаты, бутылки, и утка, и еще что-то... Белая скатерть до пола, сверкающая люстра... И над всем этим, над широким столом, приподнятые руки сжимают тонкие рюмки. Они соединены в центре. Кто сидит, кто привстал. Но лиц не видно. Только локти под кружевами, пена, улыбка в полуоборот, колено на стуле, острая шпилька каблука. Головы отклонены чуть назад, и мне кажется, что все смеются. Не просто смеются, но – хохочут, до боли в горле, до слез в глазах. А рюмки звенят, и елка разгорается зажженными фонариками все ярче и ярче.

Бабушка в конце стола. У нее стриженные волосы, завитые с концов и высокая белая шея. Она тоже смеется, приближая губы к рюмке и откидывая назад голову.

«Как же вам было весело!» – говорим мы с Ариной.

– Очень, – улыбается бабушка. – Особенно утром.

Она подошла к шкафу и принялась собираться.

– Пойду, узнаю, что там случилось. Ведь я всех знала.

Новый год вместе встречали.

Бабушка ушла, а мы с Ариной смотрели ей вслед из окна.

– Все-таки... – медленно проговорила Арина, – ты немного права. Можно построить... много высоких домов, но не до неба. Не таких высоких, как ты хочешь, зато много. Может быть, тогда... все и поместятся. А что?

С тех пор я полюбила город еще больше. Город – это была жизнь. Город гостеприимно вмещал всех, никого не прогоняя. Он был похож на хозяина с широко распростертыми на встречу руками. Приходи! Селись! Живи, на какой высоте хочешь.

Сегодня был выходной. Поэтому утро мы проводили вместе, завтракая и болтая о снах, о прочитанных Ариной книгах, о животных, о далеких путешествиях. Много о чем! Иногда мы слушали за чаем музыку, разные детские песенки, и Бетховена. Под «Лунную сонату» мне представлялась крыша дома и огромная, не затемненная тучами, луна. Я сидела возле трубы, далеко внизу простирался спящий город. Желтые и черные цвета. Желто-черный мир. Он был мягок, как мед и загадочен, как ночь.

Но в тот раз мы почти не разговаривали.

Арина насмешливо смотрела с дивана. Она лежала, подложив под живот подушку, и листала книгу.

– А мне сегодня не читается, – вдруг сказала она пересохшим голосом. – Скучно.

Я с ней согласилась.

Уже вечерело, а бабушка все не шла. Что-то должно было случиться, что-то произойти – и не происходило.

Тогда Арина налила в стакан воды и стала пить крупными глотками.

– Хочешь? – спросила она меня, показывая рукой на кувшин.

Губы у нее влажно блестели, а светлые волосы, стянутые в хвост, густой волной перекидывались через плечо и в темноте смотрелись совсем белыми.

Нет. Пить я не хотела.

Когда пришла бабушка – я не помню. Бабушке было семьдесят пять лет, и она верила, что доживет, по крайней мере, до ста двадцати. «А там... будь что будет!»

Но когда умирал кто-нибудь из ее знакомых, даже

далеких, то бабушка печалилась. Потому что мир, сужаясь, уменьшался с каждым годом все больше и больше. Мир превращался в воспоминание. В простую фотографию на ладони.

Ночные шорохи заполняют комнату. Нет-нет да проскрипит плохо закрытая форточка, понизу пробежит сквозняк и захочется укрыться потеплее. Будто мы не в городе, а в деревне. В холодном деревянном доме. Сырость под потолком, скрипучие половицы, запах соломы. Запах чего-то прошлого, ушедшего.

Что мне вспоминается в деревне?

Покосившаяся комната с выцветшими обоями, пустота зеленых трав, в которых путаются ноги, чужие люди, чужое, слишком широкое и ясное небо. Но это не воспоминание – лишь проходящее впечатление, которое скоро забудется, сотрется вихревой радостью города, наполненного жизнью, теплотой родной квартиры.

И что мне едва протоптанные тропинки полей, когда есть знакомые асфальтовые улицы? Пшеница по пояс, запах камышового озера, вечерние блики на стволах берез? Но я привыкла просыпаться в пестром просторе своей кровати, бежать на кухню по коврам, распахивать окно в теплые дни и смотреть вниз! Я люблю протертые ступени, высокие трубы, скользкую корочку льда на мостовой...

Дядя Миша говорит: «В городе все парниковое. Батареи вместо жизни, вместо огня».

Но он почти не ездил на трамвае, не бродил по улицам. Он не знает, что свободно между крышами свистит ветер.

Или снег...

Тогда, в ноябре, сразу после дождя вдруг пошел мокрый снег. Снег вливался в темный городской воздух, кружил бесцельно над черными кварталами. Я сидела за столом, читала учебник, когда Арина сказала:

– Слушай, ведь уже вечер, а дома ни мамы, ни бабушки. Пойдем, встретим их. Мы ведь знаем, где больница. Они там, у дяди Миши.

Дальше я помню плохо... Почему-то метель, и сугробы (откуда, в ноябре – сугробы?) Только помню – были они,

мутные, сырые, и беспокойное небо над головой, и все куда-то движется, летит. Мы идем долго, переходим дороги, сворачиваем за дома.

– Главное, до перекрестка, что на проспекте, – говорит Арина. – Больница – по ту сторону. Мы никогда с тобой там не были, а мне давно хотелось. Идем быстрее.

И мы бредем, взявшись за руки, навстречу метели, ноги увязают в сугробах, яркие огни врываются со всех сторон. Фары машин, серебро окон.

– Вон они, – Арина протягивает руку с варежкой вперед. – Там, через дорогу!

Там, через дорогу, стоит наша мама с бабушкой, светофор горит красным, и кажется, что это – огромный безразличный глаз, который тарачит собака.

– Между прочим, – замечает Арина. – Светофоры длинные. Я, к примеру, всегда перескакиваю. Да и машин сейчас почти нет.

Где-то далеко, за слепой крутящейся метелью, тяжело и глухо ударяют часы.

Загорается зеленый, но мама с бабушкой стоят на прежнем месте.

Тогда мы бежим им навстречу, через дорогу. Я чуть не падаю, соскальзываю вниз, но Арина меня удерживает.

– Осторожнее! – кричит. – Тут лед!

Прямо перед нами опять загорается красный. Зловещим кровавым сгустком, в котором проносятся рыхлые снежинки.

Но Арина тянет меня вперед.

– Пусть тормозят! – заявляет она и уже бежит.

– Стой! – запоздало кричу я.

Большая машина вырывается из-за угла. Фары ее слепяще пронзают метель.

Я вижу в этот момент необыкновенно четко. Вижу все, даже обледеневшую дорогу за спиной. Черную машину. Белые сугробы. Неровные круги фонарей.

Мама и бабушка на той стороне. У бабушки, словно в крике, открыт рот.

Далекие окна больницы, бледное сияние последних этажей.

Арина делает шаг назад, и машина проскальзывает мимо. Скрывается за густой метелью.

Машина проносится так близко от Арины, что задевает край полушубка.

Арина сначала стоит, а потом падает.

– Арина! – кричу я, но она уже встает.

Медленно, неуверенно.

Нет, просто упала, поскользнулась, испугалась от неожиданности...

Ведь правда?

– Правда, правда... – говорит Арина и мне, и маме, и бабушке.

Она пытается улыбнуться, сначала слабо и дрожаще, а потом – широко, и вот уже смеется.

Мы отходим на ту сторону. Глаза у Арины по-особому большие и задумчивые.

Бабушка говорит, что не видела нас.

– Мы вот стоим и думаем: вернуться к Мише или пойти домой. Вроде бы недалеко. Он спит. Просил очень увезти его в деревню, у него в доме промерзло сейчас все. Печку топить надо. Только об этом и говорит. Печь бы ему растопить... Так, чтоб огонь трещал, разгораясь все ярче, рыжий, на осень похожий, или на того кота, что, свесив голову, сидит на краю форточки.

Жарко от огня, жарко. И все исчезает в нем: бумажки, сухие ветви, фотографии.

Все, кроме осени, невзрачных, невидимых ее шагов.

Оглядевшись вокруг, я ничего не вижу, кроме мертвых домов и грязных скверов. Снег тает под сапогами...

Арина с бабушкой идут под руку.

*Марина ТАРАНЕНКО (Краснодар) –
Диплом лауреата I степени в номинации
«Литературное творчество для детей»*

ЦАРСТВО ЛУЖНОЕ

С нами сегодня знакомятся лужи:
Лужа Широкая, лужа Поуже,
Лужа Влюбленная, в виде сердечка,
Лужа Котенок и лужа Овечка.
Лужа Попробуй-ка-перескочи,
В ней даже солнце купает лучи.
Лужа Ни-к-месту лежит на проходе,
Лужа Обман не глубокая вроде...

Нас приглашает к себе очень дружное
Мокро-веселое царство Лужное!

КОГДА НА УЛИЦЕ ЗИМА

Когда на улице зима,
Скучают в городе дома,
Серьезные и важные,
Дома многоэтажные.

Как только мы ложимся спать,
Они бегут в снежки играть,
И каждый дом спешит тайком
Слепить огромный белый ком,
Снежинки ловит на бегу,
А утром весь стоит в снегу!

МИНУТА ТИШИНЫ

Говорит бабуля мне:
«Успокойся чуточку,
Посидел бы в тишине

Хоть одну минуточку!»
Но сидеть совсем без дела
Очень быстро надоело.

Прокатился я на стуле,
Пролетел по дому пулей,
Проскакал, как антилопа,
А потом конфету слопал,
Сбросил на пол покрывало
И порвал свои штаны...
В общем, сделал я немало
За минуту тишины.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ МЕЧТЫ

Жую салат капустный,
И мне ужасно грустно:
Не съел и половины,
Ох, эти витамины!

Сижу с задачей непростой
И со своей большой мечтой.
Мечтой такой заветной:
Жевательно-конфетной.

Ну почему же из конфет
Салатов витаминных нет?
Такой салат
Я был бы рад
Поест хоть сотню
Раз подряд!

А вот капустную мечту
Отдал бы своему коту.
Но предлагал напрасно я –
Его мечта колбасная!

Лауреаты V Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2015)

В 2015 году в оргкомитет фестиваля «Хрустальный родник» в рамках конкурсной программы поступило 140 авторских материалов из 24-х регионов России, а также из Украины, Беларуси, Казахстана, США и Великобритании.

ПОЭЗИЯ:

Александр Тихонов (п. Большеречье Омской области) – Диплом лауреата I степени

Анастасия Егорова (Омск) – Диплом лауреата II степени

Полина Колпакова (г. Таганрог Ростовской области) – Диплом лауреата III степени

ПРОЗА:

Сергей Янин (г. Златоуст Челябинской области) – Диплом лауреата I степени

Алёна Тимофеева (г. Химки Московской области) – Диплом лауреата II степени

Ольга Звягина (г. Новокубанск Краснодарского края) – Диплом лауреата III степени

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЛЯ ДЕТЕЙ:

Наталья Широбокова (Краснодар) – Диплом лауреата I степени

Ирина Иванникова (Рязань) – Диплом лауреата I степени

Елена Игнатовская (Казахстан) – Диплом лауреата II степени

Елена Степанова (Н. Челны) – Диплом лауреата II степени

Тимур Ибатулин (Москва) – Диплом лауреата III степени

Ирина Сорокина (Барнаул) – Диплом лауреата III степени

*Александр ТИХОНОВ (Омская область) –
Диплом лауреата 1 степени в номинации «Поэзия»*

* * *

Дождь задумчиво многоточит
По асфальту и мокрым крышам...
Всё длиннее и горше ночи,
Всё неслышной деревья дышат.

Дождь пружинит от листьев лёгких,
Измождённых нехваткой света.
Всею силой кленовых лёгких
В редких кронах вздыхает лето.

ГАМАЮН

...А за окном – рассвет. И мир, как прежде, юн.
И облако кружит над ним воздушным змеем.
Загадочно поёт о чём-то Гамаюн,
Но разве кто из нас понять его сумеет?

Привычным стал недуг душевной глухоты,
Хоть ощущает дух губительную жажду.
Но мир, как прежде, юн... И понимаешь ты:
О Родине поёт. О нас поёт. О каждом.

* * *

«Смотри, там воробей. Как это мило!»
На подоконник серенький комок
Спикировал. Коллега подкормила,
И воробьишко устоять не смог.

Стучит в стекло и хлебных крошек просит,
Нахохлившись, толчётся под дождём.
Там, за окном навзрыд рыдает осень.
Здесь, за окном мы все чего-то ждём.

Тоска-тоска... Внимая крикам птичьим,
Я мыслью удивил себя простой:
У нас с ним минимальное различье -
Мы с этой стороны, а птаха – с той.

* * *

Зима. Плацкарт. Попутчики беседуют
О том, о сём, причём «без дураков».
На женщин мужики, подвыпив, сетуют.
А женщины на пьяных мужиков.

Под стук колёс звучит людская исповедь –
Честной народ рассказывает мне
Расслабившись, чаёк глотая, исподволь,
То, в чём себе признаться силы нет.

Одни выходят на забытых станциях,
Другие в дикий гомон городов
Шагают с чемоданами. Дистанция
Всё меньше, вот и я уже готов

В окошко глядя, говорить с попутчиком,
Как на духу рассказывать ему,
Что «я любил», и что «любовь измучила»...
Но вот зачем – ей Богу, не пойму.

Ревёт пурга, гудит состав нагруженный,
К финальному стремится рубежу.
«Попутчики, наш поезд как отдушина.
Я вам сейчас подробно расскажу...».

ССОРА

Свист метких стрел сейчас ловлю во фразе я,
А боль от слов лирически остра.
В сибирских генах заблудилась Азия:
Степная ширь и отблески костра.

А ты глядишь – усталая, но гордая.
И непокорность жестами кричит:
«Русь никогда не соглашалась с ордами...
На варварские правила мужчин!»

НА ПЕРЕЛОМЕ

Тащат колокол. Волоком.
По сибирской земле.
По еловому пологу.
Через вздыбленный лес.

Лошадь тянет на привязи.
Ошалело косит.
Ну же, милая, вывези,
Божий голос спаси!

Смотрят сельские жители.
Не сдержать им слезы.
Он – старинный, внушительный,
Свесил медный язык...

Всех уверить пытаются,
Дескать, выдумка – Бог.
... Слишком долго срастаются
Переломы эпох.

* * *

Кем мы были на этом свете,
Как любили, о чём мечтали,
Будут знать лишь бродяга-ветер
Да полоска булатной стали.
А крестьянин, взглянув на небо,
Поле сечи забытой вспашет.
И взметнутся колосья... хлеба
Над безвестной могилой нашей.
Горевать нам с тобой нелепо,
Ведь не зря подчинимся тленью.

Нам кормить свежим русским хлебом
Поколение за поколением!
Хлебом-солью приветят князя,
И усобиц костры погаснут.
Значит, падали с криком наземь
Не напрасно.

* * *

*Юрию, в Луганск,
с пожеланием мира!*

В огне войны бессмысленной и жуткой
Забыт на лавке плюшевый медведь.
Средь беженцев малыш вопит: «Мишутка!..».
Вернуться хочет, но кричат: «Не смей!».

Всё дальше цокот маленьких сандалий.
К машине, до границы, а потом...
Когда-то так же Припять покидали,
Чтоб не вернуться никогда в свой дом.

Прочь от войны, что вдалеке грохочет,
Сбивая с веток жухлых листьев ржу.
И кажется, медведь воскликнуть хочет:
«Бегите, люди! Я их задержу».

А тот малыш спасён. На Белом Свете
Случаются порою чудеса.
Когда-нибудь он в рацию ответит:
«Внимание, гражданских не бросать...»

**Сергей ЯНИН (г. Златоуст Челябинской области) –
Диплом лауреата I степени в номинации «Проза»**

НАРКОЛЕПСИЯ

Рассказ

Магазины...

Терпеть не могу ходить по магазинам. Все эти торговые лавочки с одеждой, обувью, сумочками разных цветов и моделей... Ты выходишь из одного, попадаешь в другой, и осознаешь, что ничего не поменялось, будто все кофточки пошиты в одной трикотажной мастерской. Как девушки могут часами бродить по этим тесным помещениям, частенько надушенным какими-то противными духами? Почему нельзя просто прийти и купить то, что понравилось? Наверное, нашей мужской логике это не понять.

Леся потащила меня в огромный пятиэтажный центр «LUMMO» после работы. Насмотревшись за семь часов на дебеты с кредитами, я думал, что смена деятельности меня хоть как-то взбодрит...

Кого я этим обманывал? Я ненавижу магазины!

Примерно на третьем этаже, я попросил передышку: от кофточек и платьев уже рябило в глазах. Почувствовав мое раздражение, Леся ушла в туалет, оставив меня на круглом пластмассовом сидении в компании отдыхающих азиатов. Я глазел по сторонам, не зная, чем бы себя занять. Группа иностранцев металась между брэндами Long Line и Sveng, молодая парочка о чем-то спорила у эскалатора, чуть дальше сидели совсем еще школьники и ворковали. Я посмотрел в другую сторону и вдруг заметил... манекена. Глаза, нос, рот, все было так реалистично прорисовано, что от настоящего человека и не отличишь. Пластмассовая кожа на лице натянулась, превратилась в ухмылку, он чуть распрямился. Любопытство заставило меня подойти ближе. Манекен-человек не двигался, лишь улыбался, но стоило мне приблизиться, как на его месте снова стояла безликая человекоподобная вешалка. Я оглянулся – люди все также сновали из стороны в сторону, никто не смотрел на меня; девушка, только что ссорившаяся с молодым человеком, отвесила ему пощечину и повернулась к эскалатору.

Все произошло мгновенно, парень схватил ее сзади за шею и одним резким движением толкнул вперед.

Перед тем, как я успел что-то сделать, мне плеснуло светом в глаза, заставив зажмуриться. Лишь проморгавшись, я увидел перед собой Лесю и несколько незнакомых человек, которые склонились надо мной с озабоченными лицами. Я сел и схватился руками за голову:

– Что случилось, Тёма?

– Это снова вернулось. Это снова вернулось.

Меня зовут Артем, мне двадцать четыре. Если вы встретите меня на улице, то подумаете, что я здоровый, как бык. Все так. Я занимаюсь спортом, веду здоровый образ жизни, пробежки по утрам, ни грамма алкоголя за последние полгода. Я здоров..., но не каждую минуту своей жизни.

Впервые это случилось в десять лет. Я играл с друзьями в снежки после уроков в школе. Нам было весело. Мы прятались друг от друга за деревьями, в окопах, и отчаянно пытались попасть в кого-нибудь сочным круглым ледяным шариком. Я помню, как пошел снег, меня пытались атаковать, но я отбежал подальше, спрятался в окопе и выжидал своего шанса. Комок все никак не хотел лепиться, рассыпался в руках. Я отчаянно хватал очередную горсть, которая тут же рассыпалась. Снял перчатки, я загреб охапку мокрых белых мух, но ничего не вышло. Я вылез из окопа. Тишина вокруг меня напугала. Я заглянул в каждый укромный уголок, где могли прятаться друзья. Я тогда подумал, что ребята решили подшутить надо мной, потому взял рюкзак и отправился домой. Лишь выйдя на оживленную обычно улицу, я осознал, что совсем один: ни машин, ни людей, даже черная дворняжка, лаявшая обычно на меня, и та исчезла. Паника исказила вымышленную реальность, вьюга закрутила меня в чудаковатом танце...

Я очнулся под высокой сосной, а рядом с криком пробежал Сашка Волков. Он кинул в кого-то снежок, радостно воскликнул и лишь после этого обратил на меня внимание.

Тогда я впервые осознал, что уснул, но сон был настолько реальным: падающие хлопья снега, оседающие на

ворсистой шубе, мягкий мокрый снег, который никак не хотел лепиться. Ладони до сих пор чувствовали холод, хотя и были укутаны в теплые меховые перчатки из собачьей шерсти.

Я не стал рассказывать родителям. Наверное, я сам тогда испугался этого случая, а может, побоялся, что мне не поверят. Я и без того прослыл у мамы с папой выдумщиком. Но потом это произошло снова.

На математике я грохнулся в обморок прямо у доски. Учительница отвела меня к врачу и послала за классным руководителем. Родители решили, что я плохо сплю, и организовали для меня новый распорядок дня, лишая телевизора, и отправляя каждый вечер спать после девяти. Но это не помогало. Я продолжал засыпать в самых неподходящих местах: в автобусе, на тренировке, за обедом... Младшая сестренка постоянно хихикала, когда это случалось вновь, а я, придя в себя, колотил ее от безысходности. Родители обратились к врачам, но педиатр не смогла понять, в чем причина, списав на переходный возраст. Лишь обратившись к сомнологу, мне объяснили, что это и как с этим бороться.

Я думал, что обмороки – моя самая большая проблема, но вскоре мне стало сложнее осознавать, когда я сплю, а когда бодрствую. Это превратилось в мою личную игру с собственным сознанием – оно посылало мне порядок событий, а я должен был разгадать, что же в нем не так. Сон затягивал плотнее, обвивал вязкой липкой паутиной, постоянно заставляя меня находить все более жесткие способы вырваться, и с каждым разом становилось труднее. Сны дорисовывали реальность все ярче, четче, в них появлялись родные, близкие, друзья. Они говорили мне то, что я хотел услышать, будто предугадывали мои желания. Я научился распознавать фантазии, научился находить детали окружения, которые не вписывались в привычную для меня реальность.

В одной из таких фантазий, я нашел способ отталкиваться от чересчур навязчивых образов. Мы с друзьями оформляли кабинет ко дню рождения классного руководителя. Все было, как обычно, мы подшучивали друг над другом, обсуждали знакомых девчонок и делились планами на вечер. Я стоял на стремянке и вешал воздушные шарiki над доской. В

окно открывался классный вид на набережную. Я и раньше часто смотрел на проплывающие мимо катера, а сейчас яркие желтые лучи восходящего солнца скользили по воде.

Мимо проплыл катер. Я не заметил бы его, если б не норвежский флаг, развевающийся на корме. Через минуту точно такой же, с синим крестом на красном фоне. А еще через пару минут опять. И когда я только успел подумать, что это подозрительно, шарики, которые я повесил несколько минут назад, оглушительно хлопнули. Я оступился, стремянка под ногами закачалась...

Но это была лишь иллюзия. На самом деле я просто уснул на уроке.

Провалы повторялись два-три раза в неделю, и моя война с собственным сознанием превратилась в смысл существования. Не помогали ни курсы лечения, ни таблетки, ни успокоительные. А в семнадцать все резко прекратилось.

Семь лет страданий, душевных и физических, в одну секунду стали отголоском прошлого. Сначала я опасался, что один из очередных снов наяву утянул меня на дно. Я боялся, что уже никогда не проснусь. В надежде проверить сплю или нет, я спрыгнул с балкона своего друга. Благо всего лишь со второго этажа, но малая берцовая кость все равно не выдержала эксперимента и сломалась в трех местах. Кость с трудом собрали хирурги, вживили спицу. Я наказал себя полугодным стационаром в городской больнице, но зато убедился, что не сплю. Пожалуй, это была единственная хорошая новость за те полгода.

И вот, в двадцать четыре, это случилось снова...

За рулем по пути домой, я очень боялся, что усну снова. Страх приковал меня к реальности, не заставлял расслабиться, но я все равно вел машину нервно, слишком резко реагируя на проезжавших автомобилистов. Перед домом я сорвался на соседку, которая, не обращая на меня внимания, переходила дорогу, как ни в чем не бывало.

Лишь лежа на диване, я понял, что все обошлось. Леся принесла горячий чай, сочный аромат барбариса донесся еще из коридора. Она села рядом, массируя мне ступни, пытаясь снять напряжение. Сделав два глотка, я отставил кружку на журнальный столик и сел.

– Я никогда тебе не рассказывал, потому что не считал это нужным. Я болен, Лисенок. Семь лет этого уже не происходило. Я думал, что все прошло, думал, что все началось из-за возрастных изменений и закончилось, когда организм сформировался. Наверное, я ошибся. Эта болезнь называется нарколепсией. Я могу уснуть в любой момент, и разбудить меня не сможет никто. Врачи и ученые связывают это с нарушением сна и недостатком орексина. Это вещество находится в мозге и регулирует процессы засыпания и пробуждения.

Леся побледнела, и я обнял ее. Мне не хотелось, чтобы она переживала по пустякам. Я семь лет справлялся с болезнью и сейчас смогу.

– Это ведь не смертельно? – шепнула она.

– Нет. Обычно все заканчивается шишками и ссадинами из-за падений.

Я чувствовал ее неровное дыхание и учатившееся сердцебиение, чувствовал, как ей страшно.

– Должны же быть какие-то лекарства, терапия, которая избавит от болезни.

Я запустил руки в темные волосы. Мне так хотелось ответить, что все лечится, проблема решаема... но я не привык ей лгать.

– Нет терапии и нет лекарства. Можно соблюдать режим, пить успокоительные, но это не решит проблемы. Многие люди живут с нарколепсией годами, пока болезнь не проходит сама собой. Все, что мне нужно сейчас, это потерпеть.

Леся поцеловала меня, проявляя ту необходимую мне сейчас поддержку. И я был рад, что рядом есть понимающий и любящий человек, который не отвернется в трудную минуту.

Следующие несколько дней спутались в гнетущем ожидании следующего удара болезни. Я старался избегать всяческих поездок на машине, пересел на метро. На работе все тоже шло не так гладко – срочное задание о поставке стройматериалов для крупной нефтяной фирмы пришлось отдать команде Лобова. Ну, ничего, пусть порадуются, они давно уже ничего стоящего не получали. Это будет последний крупный для

них заказ. Больше всего раздражали разговоры по телефону. Первое правило общения с клиентом – всегда быть начеку. А в моем случае это стало чуть ли не смыслом всей работы.

Ожидая приступ, я превратился в законченного параноика. Каждую минуту жизни мне приходилось проверять на «реальность», искать в словах клиентов что-то необычное, не подходящее к теме разговора. То, что в действительности не может быть.

Первые сутки были особенно тяжелыми. Ночью я долго не мог уснуть, ворочался. Лишь под утро непродолжительный кошмар вернул меня в торговый центр, где я снова встретил манекена. Я рассказывал ему о своих переживаниях, о том, как мне сложно справляться с наваждениями, но его гримаса оставалась безжизненной. Он лишь кивал на все мои слова.

Вторые сутки плавно перетекли в третьи. Не помогли даже успокаивающие таблетки, которые мне предложила Леся, увидев меня на кухне в три ночи. Пятница превратилась для меня в самый длинный день в жизни. Люди проплывали мимо меня, как при замедленном повторе, шум в голове глушил слова.

Субботним утром я подошел к зеркалу и себя не узнал. Огромные круги под глазами никелевого серого цвета, растрепанные сальные волосы, усталый взгляд и вид побитой собаки. Контрастный душ не изменил моего подавленного настроения. Казалось, ничто уже не способно изменить моего подавленного настроения.

Наливая кофе, я услышал знакомый мотив «Whiskey in the Jar». Мобильник на столе плавно подползал к краю, когда я ответил на звонок.

- Да.
- Привет, Артем, – знакомый голос заставил улыбнуться.
- Привет, мам.
- Ты не забыл?
- Нет. Заеду через пятнадцать минут. Только кофе допью.
- Хорошо, мы ждем.

Пришлось слегка ускорить завтрак и ограничиться кружкой кофе и булочкой с сыром.

За рулем накатил прилив страха. Вернулось забытое ощущение, посещавшее меня в первые месяцы после покупки

машины. Тогда я боялся, что какой-нибудь въедливый гаишник остановит меня и обязательно докопается до правды.

Через пять минут я уже гнал по проспекту Победы, стараясь успеть в срок в родительский дом. Я даже проскочил несколько светофоров на желтый свет, что делаю очень редко, и все же не успел. Несмотря на все оправдания, мама все равно отчитала меня за несобранность.

Кладбище находилось за городом. Обычно, мы добирались минут сорок, но сегодня приходилось часто ехать в объезд из-за пробок. Мы прибыли к двенадцати, оставили машину на стоянке и отправились вглубь кладбища. Идя по узкой тропинке между оградами, я смотрел на надгробия и кресты. После смерти отца все эти памятники покинувших этот мир людей стали для меня чем-то вроде антуража, как дома, дороги, мосты или лес, простиравшийся в трехстах метрах впереди. Элемент ландшафта, если хотите.

Сегодня был ровно месяц со дня его смерти. Остановившись у могилы, я мысленно снова перенесся в тот день, когда узнал о папе.

Я сидел на работе, разговаривая по телефону с очередным клиентом, когда раздался рев мобильного. Я поставил его на беззвучный режим, упрекнув себя за забывчивость, и продолжил деловой разговор. Но мобильный не переставал кричать светом: через каждые полторы минуты он загорался снова. Только с девятой попытки он смог достучаться до меня. Сестра всхлипывала через слово, вдалеке громко рыдала мама. И хотя мы все были готовы, что отец рано или поздно умрет – новость меня ошарашила.

У папы был рак легкого. Он развивался очень долго, сначала отцу было тяжело дышать, потом начались боли. Последние три года отец уже не покидал больницу. Ему давали новые и новые экспериментальные лекарства, облегчали боль, но все было тщетно. Курсы химиотерапии только отсрочили неизбежное. В последнюю встречу он походил на скелет, обтянутый белой кожей, с ввалившимися щеками. Под глазами залегли большие черные круги, а руки стали тощими настолько, что можно было пересчитать все косточки на запястье. Он

всегда неумолимо говорил нам, что все будет хорошо, просил меня быть сильным, просил заботиться о матери...

Сейчас стоя у его могилы, я чувствовал тоску по родному человеку. Я постарался вытереть брызнувшие слезы со щек, пока мать не заметила и тоже не разрыдалась. Я должен быть сильным, как этого хотел отец.

Мы сидели на лавочке у могилы и не могли говорить. Слова застревали в горле. Мама тихо, будто себе под нос, рассказывала историю их с отцом молодости, как смело он тогда поступил, защитив ее от хулиганов, но я почти не слушал.

Когда солнце спряталось за сплошной черной тучей, подул резкий пронизывающий ветер. Даша попыталась закутаться в тоненькую кофточку, и я молча протянул ей свой старую кожанку. Сестра приняла ее молча, только кивнув тихонько, но даже тогда она продолжала дрожать от холода. А ветер все продолжал усиливаться, раскачивая одинокую молодую березу метрах в пятидесяти от нас

– Что ж это такое. Как будто сейчас не август, а ноябрь, – сказал я, поднимаясь на ноги. Даша прильнула к маминому плечу и тихонько заплакала. Мама и сестра, будто не замечали начинающегося урагана. Я попытался до них докричаться, но ветер уносил мои слова в лес. Послышался треск дерева, молодая береза сломалась пополам...

И тут мир вдруг застыл. Волосы Даши развевались на невидимом ветру. Приглядевшись, я увидел в ее взгляде пустоту, и зрачки, расширенные от испуга. Или это испугался я, и мое сознание дорисовывает реальность?

«Я сплю, я снова сплю!»

Из леса донесся звук автомобильной сирены. В этом застывшем мире он был единственным проводником на волю. Я сделал всего несколько шагов, прежде чем земля затряслась – мой сон начал разрушаться, рассыпаясь тысячами осколков.

– Анастасия Михайловна, у меня проблемы, – выпалил я, зайдя в кабинет.

Лечащий врач Анастасия Мельникова сидела за столом в полупустой комнате. Высокий шкаф, небольшой диванчик,

старый стол, мягкое кресло для приема, да пара плакатов на стенах: вот и все, что осталось от передового кабинета семилетней давности. Она подняла на меня глаза и отложила ручку в сторону.

– Артем! Давненько я тебя не видела. Смотрю, возмужал, повзрослел. Присаживайся, – она указала на кресло. – Что случилось? Провалы вернулись?

– Да. Я начинаю сходить с ума. Я... я... Я не сплю уже несколько дней. И каждый раз, если мне удастся заснуть, я просыпаюсь через час от кошмара.

Анастасия Михайловна недолго поискала мою карточку в ящике стола.

– Когда это началось?

– Чуть больше недели назад. Мы гуляли с подружкой по торговому центру. Было очень душно, и я устал после работы. Не помню, когда отключился, и как реальность превратилась в сон. И так могло продолжаться бесконечно, если б я не встретил манекена.

Анастасия Михайловна нахмурилась, но продолжала записывать за мной каждое слово. Закончив, она отложила ручку и подошла к шкафу с книгами.

– Ты проснулся, увидев того, кто в реальности быть не должен?

– Все верно. Все так и было.

– Стрессы за эти месяцы были? – спросила доктор, возвращаясь к столу с журналом в руках.

– Отец умер месяц назад...

– Теперь понятно. Смерть родного человека разбудила дремавшую болезнь, но меня тревожит не это. Обычно, нарколепсия проявляется иначе. Человек просто теряет сознание и спит. Доктор Фаткулин никогда тебе не верил, считал, что ты фантазируешь. Ты много рассказывал историй из своей жизни, которые будто бы с тобой приключались. Я тоже сначала тебе не верила, но потом прочла о подобном случае в медицинском журнале. У людей с высоким IQ и хорошим воображением, иногда, случается подобное. Исследование проводили в шведском университете. Тот парень был – как ты. Его сон дорисовывал реальность за него и всякий раз все ярче и точнее...

– Что с ним случилось?

– Он устал от постоянной борьбы с самим собой и застрелился.

Так вот, что меня ждет? Тяжелая борьба за будущее, жизнь в постоянном напряжении, когда реальность и сон переплетаются, образуя бредовые ассоциации, и пуля в висок от безысходности?

– Даже и не думай! – строго сказала Анастасия Михайловна. – Вот рецепт, – быстро застрочила она, – попробуем вернуть тебе здоровый сон. Пропьешь курс успокоительных, а потом поглядим. Если не поможет, попробуем другие варианты.

– Спасибо вам, – я убрал листок с выпиской в карман. – До свидания.

Когда в одиннадцать меня впервые привели к Фаткулину на прием, я считал, что мои обмороки – это простуда. Стоит выпить целебную микстуру и все снимет, как рукой. Сейчас я уже не был уверен в том, что это поможет.

Я снова ходил по торговому центру, но теперь в нем не было людей. Пустая пятиэтажная махина, лишившаяся человеческого роя, производила завораживающее впечатление. И в то же время мне было грустно, ведь теперь LUMMO был никому не нужен. Пустые эскалаторы так и крутились, перевоза воздух с этажа на этаж. И все же, я встретил здесь одного человека, своего отца, здорового, круглолицего с улыбкой в глазах. Он сидел в кафешке и пил зеленый чай.

Мы много говорили... о маме, о сестре, о том, как важно быть сильным и смелым. Он был таким настоящим, что его присутствие в комнате я ощущал еще некоторое время. Я даже чувствовал вкус чая во рту...

И я поссорился с ним, накричал. Обида вынырнула из глубин памяти. Эти слова я проговаривал снова и снова.

«Ты мог все изменить!»

Как-то раз, за полгода до его смерти, я подслушал разговор с доктором. Тогда папа находился в очереди на дорогостоящий курс химиотерапии, но время поджимало, и

лечащий врач предлагал внести часть оплаты за первые восемь облучений, а остальные восемь оплатить в течение года. Но отец настоял на своем и отказался. Он не хотел обременять нас лишними тратами. Тогда мы поругались, а я выкрикнул:

«Черт возьми, это твой шанс быть рядом! Почему ты этого не хочешь?!».

Он посмотрел на меня с отцовской любовью в глазах и шепотом ответил:

«Рак вернется... Я знаю это, не спорь. Деньги не помогут».

Теперь сознание выплеснуло давно затаенные обиды. Спал ли я или снова находился в обморочном бреде? Теперь уже никакой разницы. Это будет происходить, я никуда не смогу спрятаться от себя.

Вытерев слезы, я вылез из-под одеяла. Леся повернулась на другой бок. У зеркала над раковиной стоял долго, разглядывая свое измученное лицо. Сначала подумал, что стоит побриться, но просто умылся и пошел на кухню.

Когда из кофеварки потянулся тягучий аромат черного кофе, в комнату вошла Леся. На ней была моя длинная майка с надписью «Like a Boss». Своей немного детской полусонной походкой она подошла ко мне, поцеловала и обняла за пояс. Я почувствовал ее тепло, и сразу стало легче.

Леся взяла кружку и подошла к окну. На улице снова лил дождь, хотя вдалеке, почти у самого горизонта, проглядывало солнышко, оставляя надежду на теплый день.

– Зарядил на полдня, похоже, – отозвался я, насыпая сахар в кружку.

Леся хмыкнула в ответ и сунула нос в кружку.

– Как кофе на этот раз?

– Гораздо лучше. Делаешь успехи.

Я поклонился.

– К вашим услугам.

Леся рассмеялась.

– Снова плохо спалось?

– Тревожно. Непонятные сны.

– Я так и поняла. Ты что-то бормотал, спорил с кем-то.

Кофе был обжигающим, я даже высунул язык и часто задышал. Леся улыбнулась.

– Может, все-таки, поговорим об этом?

– Не думаю.

Мы замолчали. Я ценил в ней чувство такта, Леся никогда не лезла под кожу.

– Помнишь, о чем мы договаривались вчера?

– О премьерке? Да, я помню. Вдруг что-то случится?

– И что теперь? Оставаться дома, пока болезнь не превратит тебя в затворника? Не нужно ставить на себе крест. Я прочитала вчера в интернете – приступы не повторяются каждый день.

– Раз на раз не приходится.

– Да, ну, тебя! – Леся поставила кружку на стол.

– Лисенок...

Я попытался ее остановить, но она отстранила меня.

Оставшись наедине со своими мыслями, я понял всю глупость ситуации. Что мне мешает поехать сегодня в кино? Болезнь, которая проявляет себя, когда захочет? Разве это повод уходить в себя?

Леся права – не стоит отказываться от жизни, только потому, что она осложнена нарколепсией. Многие люди с тяжелыми заболеваниями остаются голодны до жизни, прыгают с парашютом, катаются на спорткарах. Чем я хуже них?

Я постучался и вошел в комнату. Леся сидела на подоконнике и задумчиво глядела в окно. Казалось, она даже не заметила меня.

– Прости. Я глупо поступаю. Я не должен сдаваться болезни. И если твое предложение еще в силе, то мы съездим сегодня на премьерку.

Не успели мы выехать из дома, как попали в огромную пробку, растянувшуюся на весь проспект. Чудом вырвавшись из городского плена, мы плутали дворами, пока не нашли возможность выехать к реке.

Мы остановились на долгом светофоре. Я повернулся к Лесе:

– Как думаешь, фильм удастся?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Последние два фильма Гринга были неплохими, но он никогда не работал с крупными бюджетами, а тут сразу сто пятьдесят миллионов долларов и дорогой летний блокбастер... В любом случае, должны актеры сыграть. Зря что ли они пригласили двух оscarоносных звезд на главные роли?

– Мне кажется, в последние годы Оскар – не показатель, – я погладил ее по волосам. – Ты точно не в обиде на меня за утро?

– Расслабься. Если бы я на тебя обиделась, то поехала бы на фильм одна и на метро.

Я улыбнулся и перевел взгляд на человеческий поток, переходящий через дорогу. В глаза почему-то бросился мужчина в светлом костюме. Короткие волосы, зачесанные на левый бок, галстук, развевающийся на ветру, овальное лицо. Картина, словно, из одного из снов, явь, ставшая реальностью и вырвавшаяся наружу. Леся заметила мое оцепенение.

– Тёма, ты словно призрака увидел.

– Так и есть...

– Не поняла.

– Видишь мужика в костюме с папкой?

– Ну.

– Он так похож...

– На твоего отца? Кстати, да. Но у него лысина, а у твоего – не было, – Леся погладила меня по плечу. – Не ищи призраков там, где их нет.

Загорелся зеленый. Еще несколько секунд я не мог сдвинуться с места, но долгий и протяжный гудок от водителя внедорожника вернул в сознание. Я повернул на мост, поравнялся с мужчиной в костюме и пригляделся. Леся была права, он был похож на отца, но, все же, не был им. Я слишком хотел, чтобы это было правдой, поэтому перерисовал черты лица, превратив нос с горбинкой, вздернутые губы и одутловатые щеки в знакомый образ.

С моста мы свернули на набережную. Форд привычно заурчал, набирая скорость на прямой дороге.

Я повернулся к Лесе. Она смотрела в окно, любуясь классическими зданиями восемнадцатого века. Мне иногда нравилось наблюдать за ее увлеченным, пытливым взглядом,

созерцающим какое-нибудь произведение искусства. Она сразу становилась такой серьезной, будто придирчивый коллекционер бесценных реликвий.

Видимо заметив мое отражение в окне, Леся повернулась.

– За дорогой следы, Шумахер, – почти по слогам сказала она. Я послал ей воздушный поцелуй и перевел взгляд на дорогу. Впереди, в ста метрах, стоял какой-то мужчина. Я вдавил педаль тормоза. Человек в черном костюме и галстуке посмотрел на меня. В эту секунду, время будто замедлило свой бег. Я видел, как безжизненное лицо улыбнулось. Это был тот самый манекен из торгового центра. Машину резко развернуло, и горизонт завалился.

Сначала я думал, что все произошло во сне.

Очнувшись в палате реанимации и увидев медсестру в зеленом халате, я подумал, что ничего смертельного не произошло. Может быть, я упал в обморок и ударился головой или сломал пару ребер?

– Что произошло? – я попытался пошевелиться, но боль рассыпалась по всему телу.

– Тихо, тихо, – медсестра положила руку на плечо, – вы в реанимации. Ваша машина перевернулась.

– Как перевернулась. Этого быть не может.

– Вы уж поверьте. А теперь вам нужно набираться сил, – она ввела через катетер препарат. Звуки медленно стали растворяться в шуме, а перед глазами поплыли нечеткие образы.

– Как все произошло?

Сначала я смотрел на свои руки, затем на белую стену. Рядом с койкой сидела молодая женщина-следователь в халате, из-под которого виднелась светлая рубашка. Она с профессиональной отрешенностью записывала все мои слова: каждое отступление, каждое сомнение отражалось на листе бумаги. Мне казалось, что я все еще витаю в кошмаре, одном из

своих гипертрофированных видений и стоит мне сделать усилие, как я окажусь дома, в теплой постели...

Время от времени она поднимала тяжелый взгляд, будто старалась понять, вру я или нет. Тогда я обращал внимание на ее темно-красную, почти бордовую, губную помаду. Это мешало сосредоточиться. Сначала мне думалось, что цвет крови на губах следователя – выход из затянувшегося кошмара, придуманного моим сознанием. Та самая нестыковка с реальностью, с помощью которой я могу разорвать сон и выкарабкаться. Но с каждым сказанным словом моя уверенность исчезала.

– Мы выехали на набережную, ехали в пределах допустимого... – дыхание вновь перехватило. Следователь подала мне стакан с водой. Жадно выпив половину, я поперхнулся и пролил на себя остатки.

– В какой-то момент на дороге выскочил человек. В костюме. Я не представляю, откуда он появился. После этого словно туман.

Я не стал говорить, что это был манекен. Следователь посчитала бы меня сумасшедшим. Она записала мои слова и закрыла журнал.

– Я посмотрела вашу историю болезни. Вы страдали в детстве нарколепсией. Это так?

– Да.

– Случалось ли у вас это в последние несколько дней?

– Я уверен, что не спал в момент аварии!

Она встала и отодвинула табурет ногой.

– Значит, случилось.

– Еще раз вам говорю, я не спал в момент аварии!

– Вы не можете этого знать.

– Ищите лучше человека, который выскочил мне под колеса! – боль в груди не позволила мне сесть.

– Артем, не было никакого человека. Свидетели аварии не упоминали неизвестного в костюме.

– Но я видел его...

– Возможно, вам это только привиделось, но вот, что я могу вам сказать точно – вы убили человека и суду придется решить, насколько это ваша вина.

– Только не говорите...

– Мне очень жаль.

Ни боли, ни страданий. Только опустошение, медленно пожирающее мою душу. Не спрятаться от этого, не укрыться, не отвернуться к стенке и представить, что все нормально. Я даже поплакать не мог, и это было невыносимо!

Каждый день я надеялся, что придет сон, обморок, который принесет мне забвение. Завтрак, процедуры, обед, разговоры с альтер-эго, постоянные споры с самим собой, ужин, обход... Каждый день превратился в стремление найти хоть малейший намек на то, что я уснул. Сон мог принести облегчение, необходимое сейчас забвение. А еще во сне могла прийти Леся. Мне так хотелось поговорить с ней еще хоть раз, обнять ее, поцеловать.

Но сны не посещали меня.

Каждое утро я просыпался с мыслью, что могу открыть глаза и увидеть дом. Сначала я прислушивался к щебетанию птиц на улице, затем чувствовал мягкую простыню, теплое одеяло, обволакивающее словно облако. Ощущения меня никогда не подводили, кожа чувствовала родную кровать...

Но стоило мне открыть глаза, как я видел перед собой все те же больничные стены, и реальность тут же врывается. Чувства возвращались, кровать уже не была такой жесткой, а мягкая простыня кололась вафельными крошками, которые я ел накануне...

Больничные дни превратились в рутину уже к пятым суткам. Я почти не спал, постоянно галлюцинировал наяву. Время от времени ко мне приходил манекен и рассказывал, как ему тяжело жить в мире бездушных друзей, таскающих элегантные тряпки. Я пытался закрывать уши, но его голос продолжал звучать в моей голове. Мне так не хотелось казаться сумасшедшим в глазах соседей по палате, но я все-таки срывался и прогонял наваждение прочь.

Не спасал даже сон, проглатывавший все чаще и чаще. Больница в нем превращалась в закрытую психлечебницу, из которой я не находил выхода. В ней всегда были одни и те же люди: врачи, подозрительно похожие на санитаров, больные, которые нашептывали слова: «ты останешься здесь навсегда... рано или поздно».

Я просыпался, но все чаще думал, что это всего лишь еще один кошмар. Сон во сне, кошмар в кошмаре, фантазия, переросшая в нечто большее, нежели просто обморок во время нарколепсии.

Но хуже всего то, что я не мог больше думать о Лесе. Изорвав свою душу в лохмотья, мне оставалось закрыться в своем футляре или изолировать самую сильную боль глубоко внутри. И я выбрал путь циника.

Жизнь теряла смысл. Я не был рад даже маме. Она поддерживала меня, как могла, став для меня последним светлым лучиком в этом не заканчивающемся кошмаре. В какой-то момент мне захотелось покончить жизнь самоубийством...

В утро, когда я вознамерился уйти из жизни, снова случился приступ. Как мне сказал Виктор, сосед по палате, на обходе меня пытались разбудить, но не смогли. Выругавшись, я отправился на процедуры. Медсестра поставила три дежурных укола и отправила отдыхать.

К концу второй недели пребывания в больнице, я выучил дорогу от процедурного кабинета до палаты номер три и мог пройти ее с закрытыми глазами, однако в этот раз она показалась мне дольше обычного. Сделав небольшую остановку в рекреации, я прижал больное место к мягкому дивану и вытянул ноги вперед. По этажу носились медсестры и врачи, обсуждающие аварию. По их словам, в больницу везли с десятков пострадавших. Несколько братьев в белых халатах пробежали, везя перед собой две скрипучие каталки.

Я откинулся на спинку дивана и попытался отрешиться от реальности, оттолкнуться от криков и возгласов, окружающих заболевшую голову. Кого-то поднимали в реанимацию на лифте. Она находилась на том же этаже, но дальше по коридору. Двери открылись, появилась каталка и два

медбрата в зеленых врачебных халатах. Они выкатили каталку в рекреацию и поставили напротив меня.

– Иди, узнай, готова реанимация?! – один из братьев убежал.

– Что-то серьезное? – поинтересовался я.

– Автобус перевернулся на набережной. Много пострадавших. У этой девушки черепно-мозговая. Нужно оперировать.

«Набережная... Черепно-мозговая...»

вскочил на ноги и подошел к каталке. На ней лежала Леся. Голову наспех перебинтовали. Я опешил, сделал несколько шагов назад. Все вокруг затряслось, как при землетрясении: зазвенели стекла, стены заходили ходуном, посыпалась штукатурка с потолка. Меня свалило с ног. Мой сон разрушался на глазах. Выстраданный сон, которого я так желал...

– Нет! Я не хочу возвращаться! – выкрикнул, что было сил. Несколько секунд тряски тут же прекратились. Медбрат балансировал на одной ноге, каталка немного развернулась, но все предметы будто примерзли к своим местам. Я подошел к Лесе, поцеловал ее в лоб. – Не хочу возвращаться в реальность. Мне надоело бороться. Я останусь здесь, с тобой.

Она открыла глаза, словно дожидаясь этих слов. Ответила на мой поцелуй. Внутри наступило спокойствие, умиротворение, какого я не чувствовал с момента аварии. Я размотал бинт, пощупал рану, но ничего не обнаружил. Она затянулась! Сон полностью подчинился моим желаниям.

Мы спустились вниз по лестнице, открыли дверь. Яркий свет хлынул в лицо, обдал теплыми лучами. Я заслонил солнце рукой, посмотрел на Лесю. Она смеялась, выглядела счастливой, и я захотел, чтобы это никогда не заканчивалось.

*Наталья ШИРОБОКОВА (Краснодар) –
Диплом лауреата I степени в номинации
«Литературное творчество для детей»*

ТАЙНА СТЕКЛЯННОГО БРЕЛОКА

Сказка

Кирилл почти бежал. Что если кто-нибудь уже купил брелок? Такой стеклянный кубик, внутри которого лазером были сделаны полупрозрачные объёмные дерево, скамеечка и взлетающая птичка. Кирилл видел такие брелоки много раз. Год назад он даже был готов на многое, чтобы мама купила ему похожий. Теперь же стеклянный кубик его не заинтересовал бы, если бы не птичка. В общем, всё началось именно из-за неё.

Неделю назад Кирилл с мамой пошёл в фотоцентр. Пока мама заказывала фото, он рассматривал витрины. Расставленные на прозрачных стеклянных стеллажах фоторамки всевозможных размеров, кружки, футболки и разнообразные брелоки привлекали внимание. Брелоков было много, но больше всего стеклянных, с лазерными картинками внутри. Кирилл рассеянно просматривал те из них, что стояли у края витрины, пока не зацепился взглядом за один. В отличие от остальных, он был не нов: грани с царапинами и даже небольшой скол у одной из вершин. А внутри деревце, скамеечка и взлетающая птичка. Кирилл подумал о том, что этому старому брелоку не место среди блестящих новеньких вещей. Может его кто-то потерял и фотограф поставил брелок в витрину в надежде, что хозяин вернётся и заберёт его? Но нет, около стеклянного кубика тоже стоял ценник.

И тут что-то произошло внутри брелока. Кириллу показалось, будто птичка взмахнула крыльями. Он крепко зажмурился и снова всмотрелся в стеклянную глубину. Ничего, всё, как и вначале – дерево, скамеечка и взлетающая птичка. «Померещится же», – подумал Кирилл и повернулся к другой витрине. В фотоцентр вошла женщина с маленькой девочкой. Малышка тут же уверенно подошла к витрине со старым брелоком.

– Мама, птичка клылышками машет! – безапелляционно заявила она, рассматривая брелок.

– Конечно, милая, – машинально ответила мама девочки, что-то выискивая в недрах огромной сумки.

– Она живая? – повернувшись к Кириллу, спросила малышка.

– Н-нет, – неуверенно ответил Кирилл.

– Она живая! Она клылышками машет! – настаивала малышка. – Достань птичку!

Кирилл ещё раз внимательно всмотрелся в глубины брелока. На сей раз он ясно видел, что маленькая полупрозрачная птичка изо всех сил била крылышками, пытаясь взлететь.

– Кир, пошли, – окликнула его мама.

Говорить о брелоке Кирилл не стал. Мама всё равно не поверит и брелок не купит. Тем более после того, как он схлопотал аж три двойки подряд по математике. Но и забыть о бьющей крылышками полупрозрачной птичке он не мог. По дороге домой Кирилл всё думал, что же предпринять.

Дома он нашёл единственный выход – исправить оценки. Для Кирилла это было сложное решение. Исправить аж три двойки! И не к концу четверти, а как можно скорее. Вдруг кто-то ещё заметит птичку? Другого варианта не было. Он слишком хорошо знал своих родителей. Так что, как ни хотелось Кириллу поиграть в любимые компьютерные игры, пришлось засесть за уроки.

Несмотря на все трудности, неделя прошла быстро. Каждый день после уроков Кирилл заглядывал в фотоцентр. Брелок был на месте. Только и двойки никуда не девались. Как нарочно за всю неделю ни одной контрольной или самостоятельной. К концу недели удалось закрыть только две пары, да и то одну из них тройкой.

Как всегда перед выходными мама проверила дневник.

– Ну что же, – вздохнула она, ставя роспись, – конечно, лучше чем на прошлой неделе. Но особо хвалиться тебе нечем.

Кирилл насупился:

– Я же исправил двойки.

– Не все и не лучшим образом. Да ладно, говори уже, ради чего старался-то?

– Помнишь, мы в фотоцентр ходили?

– Что, майка какая-то приглянулась? Или кружка?

– Да нет, мам. Там брелоки были, такие, стеклянные.

– У тебя что, брелоков не хватает? Или ты их коллекционировать начал?

Кирилл вздохнул и сказал:

– Не начал. Но мам, этот мне очень-очень нужен. Правда!

– Твои оценки не радуют, – вздохнула мама, – да и поведение тоже...

– Ну ма-а-ам..., – заканючил Кирилл. – Ма-а-ам, ну пожалуйста!

– Прекрати ныть! Сейчас же! – строго сказала мама. – Знаешь же, как я это не люблю. Ну да ладно. А ты уверен, что тебе эта вещь так уж нужна?

Кирилл, чувствуя, что мама сдаётся, интенсивно закивал.

– Ладно уж, так и быть, купишь. Только карманные деньги за неделю ты уже израсходовал.

Вспыхнувшее было ликование Кирилла тут же угасло. Ждать ещё неделю! Да за это время точно кто-нибудь заметит, что брелок необычный и купит его. На физиономии мальчика тут же отразились все его переживания.

– Могу предложить такой вариант, раз уж этот брелок тебе так необходим, – сказала мама. – Воспользуйся своей копилкой.

Кирилл тут же рванул в свою комнату и без сожалений достал все сбережения. Правда, было их не так уж много, но на брелок хватало.

Так и вышло, что Кирилл, несколько запыхавшись, вбежал в фотоцентр.

– Брелок, пожалуйста! – с ходу выпалил он фотографу-продавцу.

Молодой парень, подозрительно посмотрев на Кирилла, сначала пересчитал деньги. Потом достал из-под прилавка новенький стеклянный брелок с каким-то непонятным объёмным рисунком внутри.

– Не этот! – испуганно вскрикнул Кирилл.

Парень посмотрела на юного покупателя и пожал плечами:

– А какой?

Кирилл указал на потёртый кубик в витрине.

– А ты уверен, парень? Зачем тебе эта бракованная уценёнка?

Кирилл не ответил, только кивнул. Парень-фотограф опять пожал плечами, хмыкнул и достал старенький брелок:

– Смотри, назад не приму! – грубовато предупредил он, отдавая брелок.

Кирилл сказал спасибо и поскорее вышел из фотоцентра. На улице он внимательно всмотрелся в стеклянную глубину. Неподвижная вначале птичка снова забила крыльями. Спрятав кубик в кулак и прижав его к груди, Кирилл побежал домой.

Уже заходя в подъезд, он вдруг остановился. Брелок куплен, а что дальше? Что теперь?

Кирилл ещё раз всмотрелся в стеклянную глубину. Каждый раз при этом в груди мальчика что-то ёкало. Ему казалось, что ещё чуть-чуть, и он всё поймёт... но нет. Брелок явно не торопился раскрыть свою тайну.

– Ну, показывай, что за сокровище ты приобрёл? – сказала мама, едва Кирилл переступил порог.

Он нехотя разжал кулак и зажмурился. Ну, сейчас начнётся...

– И что? – вздохнула мама, наклоняясь над брелоком, – Такие старания из-за потресканной стекляшки?

– Не потресканной, а потёртой, – обиженно пробурчал Кирилл, пряча брелок в кулак. – Там птичка внутри живая!

Мама быстренько перехватила руку сына и взяла брелок. Она аккуратно сжала его пальцами и всмотрелась.

– Хм-м-м... Действительно, как живая. Это эффект преломления света: по физике будете учить, сынок. Какая интересная композиция. Такая знакомая... Где-то я это уже видела.

Сердце Кирилла ёкнуло. Вот оно! Главное не спугнуть....

– А где видела? – осторожно спросил он.

– Не помню, – отмахнулась мама, возвращая брелок сыну. – На картине какой-то Наверное.

– А-а-а-а, – разочаровано протянул Кирилл, и пошёл в свою комнату.

– Хотя нет, – вдруг сказала мама. – Это место... такое знакомое... Вспомнила! Такое же дерево и скамеечка есть на берегу реки.

– Нашей реки? – заинтересованно переспросил Кирилл.

– Ну да. Там, где русло поворачивает, на высоком берегу.

– На утёсе? Так это же совсем не далеко от нашего дома! – обрадовался Кирилл. – Мам, можно я туда схожу?

– Не сегодня, – строго сказала мама. – Поздно уже. Да и домашнюю работу никто не отменял. Так что все приключения завтра!

На следующий день Кирилл, прибежав из школы, забросил рюкзак с учебниками подальше, схватил велосипед и отправился на поиски места, отображённого в брелоке.

До утёса Кирилл доехал быстро. Место это было действительно недалеко от дома. Велосипед пришлось оставить у подножия утёса. На плоскую вершину по крутой тропинке он взбежал единым махом. Кирилл тяжело дышал, сердце норовило выскочить из груди. Он упёрся руками в колени, восстанавливая дыхание, а когда выпрямился то увидел место точь-в-точь повторяющее картинку в брелоке. С той лишь разницей, что не было пытающейся взлететь птички.

Кирилл был разочарован. Он надеялся увидеть зависшую в воздухе, будто в стоп-кадре, крылатую фигурку. Но нет. Он поспешно достал брелок и всмотрелся в него. Кирилл даже подумал, что птицы не было и в стеклянной глубине, и что она ему показалась. Но на выгравированной лазером картинке птичка всё так же отчаянно била крыльями, тщетно пытаясь взлететь.

Вдруг Кирилл заметил, что на повёрнутой к реке скамеечке кто-то сидит. Кирилл обошёл скамейку и увидел старичка. Тот сидел, опершись обеими руками на стоящую перед ним трость. Старичок не видел мальчика, взгляд его был устремлён куда-то далеко, за реку. Кирилл разочарованно вздохнул и собрался было уйти.

– Не правда ли чудное местечко? – вдруг сказал старичок.

– Д-да, – неуверенно ответил Кирилл.

– С ним столько связано, – продолжил он, – жаль только, что я почти ничего не помню. Старость, знаете ли... А ведь место такое чудесное, просто волшебное.

Неожиданно для себя мальчик вдруг спросил:

– А вы верите в волшебство?

– Это может показаться странным, молодой человек, но да, я верю в чудеса.

Кирилл поколебался некоторое время, но всё же решился и протянул брелок на раскрытой ладони:

– Тогда, может быть, вы сможете понять вот это чудо?

Старичок со снисходительной улыбкой взглянул на стеклянную вещицу:

– Молодой человек современные вещи редко содержат в себе что-то волшебное. Скорее какой-нибудь результат высоких технологий...

Не договорив, он вдруг замер на мгновение, провёл рукой по лицу, будто не веря своим глазам:

– Но позвольте, где вы взяли эту капсулу?

– Брелок? В фотомагазине. А что?

– Как вы сказали? Брелок? Нет, вы ошибаетесь, это не брелок!

Старичок аккуратно, двумя пальцами, подхватил стеклянный кубик с ладони Кирилла. Вид у него при этом был такой, будто он держит что-то крайне важное.

– Видите ли, – невольно перенимая слог старичка, сказал Кирилл, – когда я увидел внутри птицу, бьющую крыльями, то подумал, что это волшебный брелок. Это не спецэффект, я уверен! Как такое может быть?

– Это капсула времени. Причём, моя. Я создал её очень давно. Так давно, что и забыл о её существовании. С ней связана одна любопытная история... Хотите, расскажу?

Кирилл кивнул. Он слушал не перебивая. Наконец-то тайна брелока будет раскрыта. А старик тем временем рассказывал, одновременно вспоминая давно забытое.

Когда-то, очень давно жил на свете молодой волшебник. Был он добр и честен. Но, как все молодые люди, амбициозен. Заканчивая своё обучение, он мечтал создать что-то такое, что запомнилось бы всем его наставникам. И придумал... капсулу времени. В неё он заключил самое памятное и дорогое для него место – любимое дерево и скамеечку на берегу реки. Никто до него не делал ничего подобного. Вот только он поздно заметил, что в капсулу угодила живущая в ветвях дерева птичка. Отныне и дерево, и скамейка, и птица были будто заморожены. Для всего, что попало в капсулу, время остановилось. Дерево больше никогда не зеленело, скамейка стояла с облупившейся краской...

Наставники и другие молодые волшебники были поражены его искусством. Теперь от каждого его колдовства ожидали чего-то великого. И он старался, а капсулу держал при себе как талисман. Птичку же внутри он предпочитал не замечать. Ведь волшебник, создав капсулу времени, не знал, как её разрушить и освободить птицу.

Волшебник много колдовал и творил очень сложные чудеса. Его хвалили, им восхищались. В стремлении быть лучшим, он стал допускать в своём волшебстве элементы тёмного колдовства. И это повлияло и на него и на его судьбу. Он утратил радость создания чуда. Его колдовство не приносило ничего хорошего людям, и постепенно все отвернулись от волшебника. Оставшись один, волшебник как-то пришёл на своё любимое место и там поклялся больше никогда не колдовать. А чтобы ничего не напоминало ему о прошлой славе, он выкинул капсулу времени в реку и велел себе забыть обо всём.

– Я забыл не только всё плохое, но и всё хорошее, – виновато вздохнул старик, заканчивая свой рассказ. – С тех пор я больше никогда не колдовал, потому, что не помнил, что я это умею.

Он печально смотрел на стеклянный кубик:

– А сколько добра я мог бы сделать за все эти прошедшие годы! Да что уж теперь-то говорить!

Кирилл тоже внимательно рассматривал старенький стеклянный брелок. – Вы говорили, – сказал он старому волшебнику, – что птичка внутри капсулы живая?

– Да, молодой человек, это действительно так.
– Может теперь, когда вы всё вспомнили, вы сможете освободить её?

– Увы, – вздохнул волшебник, – это не в моих силах.
– Значит дерево, и скамейка, и птица обречены вечно быть в заточении?

– К сожалению, я ничем не могу им помочь.

Старый волшебник умолк. Кирилл задумался. Вот так история! Он надеялся на волшебную тайну, но никак не на такую печальную. Такого волшебства он не хотел.

– Тогда, – сердито сказал Кирилл, – заберите свою капсулу.

– А разве тебе не хочется иметь волшебную вещицу? – заинтересованно спросил старичок. – Подумай, ведь такого, как ты говоришь, брелока ни у кого нет, и никогда не будет!

– Ну и пусть! – резко ответил Кирилл. – Не могу видеть, как она там бьётся!

– Тогда ещё не всё потерянно, – прошептал волшебник, и что-то решив, уверенно сказал: – Ты можешь снять волшебство и с дерева, и со скамейки...

– И с птицы?! – нетерпеливо перебил Кирилл.

– Конечно, – улыбнулся волшебник.

– А... как?

– Мой юный друг... К несчастью, я не могу тебе подсказать как именно. Способа просто не существует. Ты должен сам изобрести его

– Но я же не волшебник...

– Как знать, – хитро прищурился старик, – Иногда самая сложная задача имеет совсем простое решение. Если ты искренне, всем сердцем, захочешь помочь, то всё поймёшь и всё сможешь.

Кирилл посмотрел на волшебника, потом на капсулу. Он поднёс её к глазам и внимательно рассматривал, медленно крутя в руке. Птица, казалось, почуяв скорое избавление, била крыльями сильнее. Кириллу так хотелось помочь ей, но он не знал, как. Он до рези в глазах всматривался в полупрозрачную глубину кристалла и никак не мог понять, что надо сделать. Желание помочь, освободить от колдовства переросло в

пульсацию вен на висках. Кирилл чувствовал, как бешено колотилось сердце. Он уже не видел ни старичка, ни реки. Для него больше не существовало ничего, кроме капсулы и бьющейся птицы. От напряжения у Кирилла выступили бисеринки пота на лбу. Дыхание стало тяжёлым и неровным. Напряжение было столь велико, что его охватила нервная дрожь. А решения всё не было. В глазах Кирилла заблестели слёзы отчаяния. Вдруг, будто вспышка, пришло понимание. Он вспомнил слова волшебника: «Иногда самая сложная задача имеет совсем простое решение...»

Кирилл заметался по маленькой площадке перед скамейкой в поисках подходящего предмета. Наконец, он увидел выпирающий из земли большой валун. Кирилл подскочил к камню и замер. То, что он должен был сделать, пугало его. Ведь назад пути не будет. Кирилл зажмурился и будто наяву увидел бьющуюся в клетке птицу. Мысленно он открыл дверцу. «Лети, Ну... Лети же!!». Птица выпорхнула, а Кирилл почувствовал нечто хрупкое, тёплое и живое в ладони. В этот момент он со всего размаха швырнул капсулу о камень. Во все стороны брызнули стеклянные искры. Кирилл, тяжело дыша, замер с живой птичкой в руке. А через мгновение его лица коснулось дуновение ветерка, унося напряжение и испуг. Дерево и даже скамейка будто вздохнули, очнувшись от тяжкого сна.

– Вот видишь, у тебя всё получилось, – улыбнулся старичок.

– Но как? Ведь я не волшебник....

– Чистое сердце и искреннее желание помочь – вот настоящее волшебство.

Кирилл, улыбаясь, выпустил птичку. На сердце у него стало легко и спокойно.

Птица улетела куда-то за реку. Старый волшебник и Кирилл проводили её взглядом.

– И это я позабыл, – грустно вздохнул волшебник.

– Что? – спросил Кирилл.

– Какого чудесного синего цвета её оперение.

*Ирина ИВАННИКОВА (Рязань) –
Диплом лауреата I степени в номинации
«Литературное творчество для детей»*

ТОПОЛИНЫЙ ПУХОПАД

Старый тополь – белый пух,
А под тополем – лопух.
Тополь стелет лопуху
Одеяло на пуху.

Вьюжит много дней подряд
Тополиный пухопад.
И, пушинками кружа,
Пух ложится на ежа,

На скамейку у ворот,
Залетает в нос и в рот.
Так и тянется рука
Вылепить... пуховика!

ЛЕТНЯЯ РАДОСТЬ

Небо отражается
в зеркале реки.
Водомерки бегают
наперегонки,
И кричат отчаянно
чайки над водой.
Берег некошенный
пахнет лебедой,
Горечью полыневой,
утренней росой,
Тёплой летней радостью –
звонкой и босой!

РЫБА В ОБЛАКАХ

Рыба,
рыба
в облаках!

Облака
на плавниках.

Приплыла
из дальних стран,
Обогнув
подъёмный кран.

Не попалась
на крючок,
Не поймалась
в мой сачок.

Тихо спряталась
за дом,
Помахала мне
хвостом

И ушла
на глубину
В голубую
вышину!

В ДОЛИНЕ ЛЕТА

Мы приходили
в речную долину,
Мы собирали
лесную малину.
Цапля, покинув
холодную воду,
Хлопала крыльями
по небосводу.

А на просёлочной
тропке-дороге
Кошка бездомная
тёрлась о ноги.
Ветер гулял
у соснового бора.
– Скоро ли осень?
– Не скоро,
не скоро!

РИСУНОК НА СТЕКЛЕ

В маршрутке я пальцем водил по стеклу,
Рисую огромное солнце в углу,
Деревья за речкой, у речки – костёр...
Но я рукавом всё нечаянно стёр!

БУДУЩИМ УЧАСТНИКАМ ЕЖЕГОДНОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ФЕСТИВАЛЯ-КОНКУРСА «ХРУСТАЛЬНЫЙ РОДНИК»

Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Хрустальный родник» проводится ежегодно в апреле в городе Орле.

Принимаются рукописи непрофессиональных литераторов (не состоящих в Союзе писателей России или Союзе российских писателей) по трём номинациям: «Проза», «Поэзия», «Литературное творчество для детей» объёмом не более 20 стихотворений или не более 10 страниц прозаического текста (шрифт Taimс New Roman, междустрочный интервал 1,5).

Каждый участник вместе с рукописью должен прислать заявку на участие в конкурсной программе фестиваля по прилагаемой форме в Оргкомитет по адресу: 302028, г.Орёл, а/я 1, Орловская областная организация Союза писателей России (с пометкой «Хрустальный родник» и электронную версию по адресу: pisatel@orel.ru не позднее 1 марта ежегодно.

С Положением о фестивале-конкурсе «Хрустальный родник» можно ознакомиться в региональных писательских организациях. Более подробная информация о фестивале дополнительно размещена на сайте Орловского Дома литераторов: orelpisatel.ru.

**Всероссийский литературный фестиваль-конкурс
«Хрустальный родник– »**

Заявка на участие

Внимание!

Все данные, указанные в заявке: фамилия, имя, отчество, сведения о литературных наградах и т.д. будут использованы для оформления документов, дипломов, каталогов и т.д. Будьте внимательны – пишите данные полностью.

Фамилия, имя, отчество	
Сведения о званиях лауреатов литературных конкурсов, премиях и др. наградах за литературное творчество	
Почтовый адрес	
Телефон, факс	
Электронная почта, сайт в Интернете	
Планы участия в фестивале	

СОДЕРЖАНИЕ

Эстафета писательских поколений (предисловие)	3
«Талантам надо помогать» (беседа с Геннадием Поповым).....	5

Лауреаты III Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник»

Андрей Матвеевко	10
Игорь Малышев	26
Виталий Плотников	29
Лев Шадрин.....	31
Анастасия Рогах.....	35

Лауреаты IV Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник»

Антон Лукин	39
Наталья Мишина.....	45
Анастасия Чернова	47
Марина Тараненко	55

Лауреаты V Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник»

Александр Тихонов	58
Сергей Янин	62
Наталья Широбокова.....	80
Ирина Иванникова.....	89

Вестник

Орловского Дома литераторов

Выпуск 5-й

Всероссийский литературный
фестиваль-конкурс
«Хрустальный родник»

Технический редактор С.А. Ветчинников
Дизайн обложки А.С. Ухин

Подписано в печать 3.11.2015 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 2,0 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 250

БУКОО "Орловский Дом литераторов".
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1,

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru